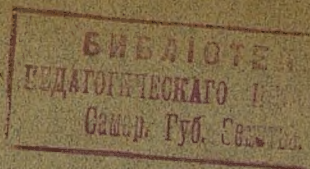

476817 p

ЧЕСТВОВАНИЕ ПАМЯТИ

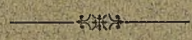
А. С. ПУШКИНА

ИМПЕРАТОРСКОЮ АКАДЕМІЕЙ НАУКЪ

ВЪ СОТУЮ ГОДОВЩИНУ ДНЯ ЕГО РОЖДЕНІЯ.

920
404

Май 1899 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лнѣ. № 12.

1900.

476817

2204

476817.

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ

ЧИТАТЕЛЕМ
БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие“ порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целостность редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ“ НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского.
„Записки Института ЛЕНИНА“
т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной
библиотеки

ЕО 13578 Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ

3
1116 6442

БИБЛИОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
СВ. СЛАВЫ

891.71.092

4-51

ЧЕСТВОВАНИЕ ПАМЯТИ

КНИЖИ ИЗЪ СОБРАНИИ
П. К. СИМОНИ.

А. С. ПУШКИНА

ИМПЕРАТОРСКОЮ АКАДЕМІЕЙ НАУКЪ

1948 г.

ВЪ СОТУЮ ГОДОВЩИНУ ДНЯ ЕГО РОЖДЕНИЯ.

12,3
20

МАЙ 1899 г.

Купышевская
№ 476817
ОБЩАЯ БИБЛИОТЕКА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

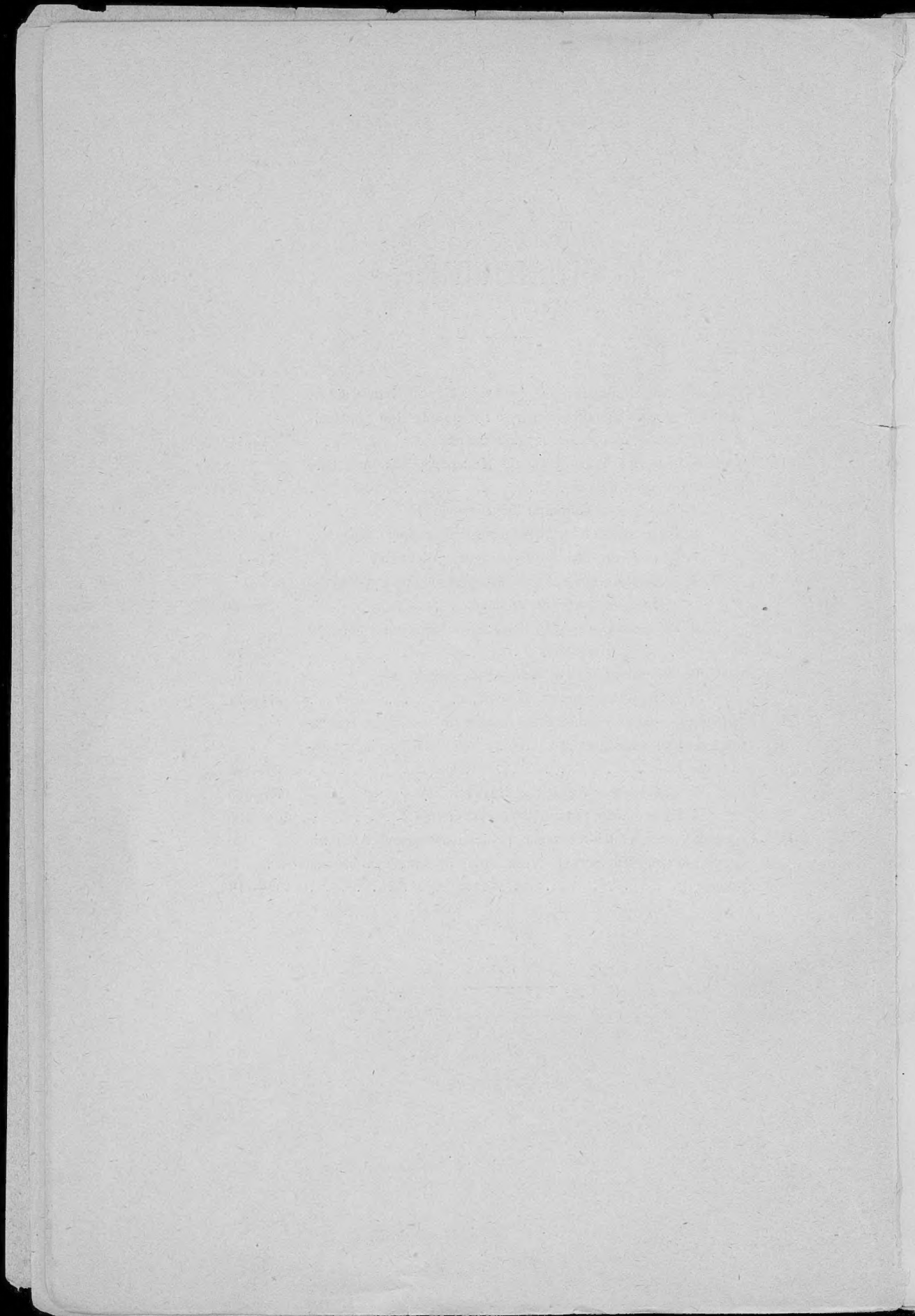
Рас. Остр., 9 лн. № 12.

1900.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Апрѣль 1900. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

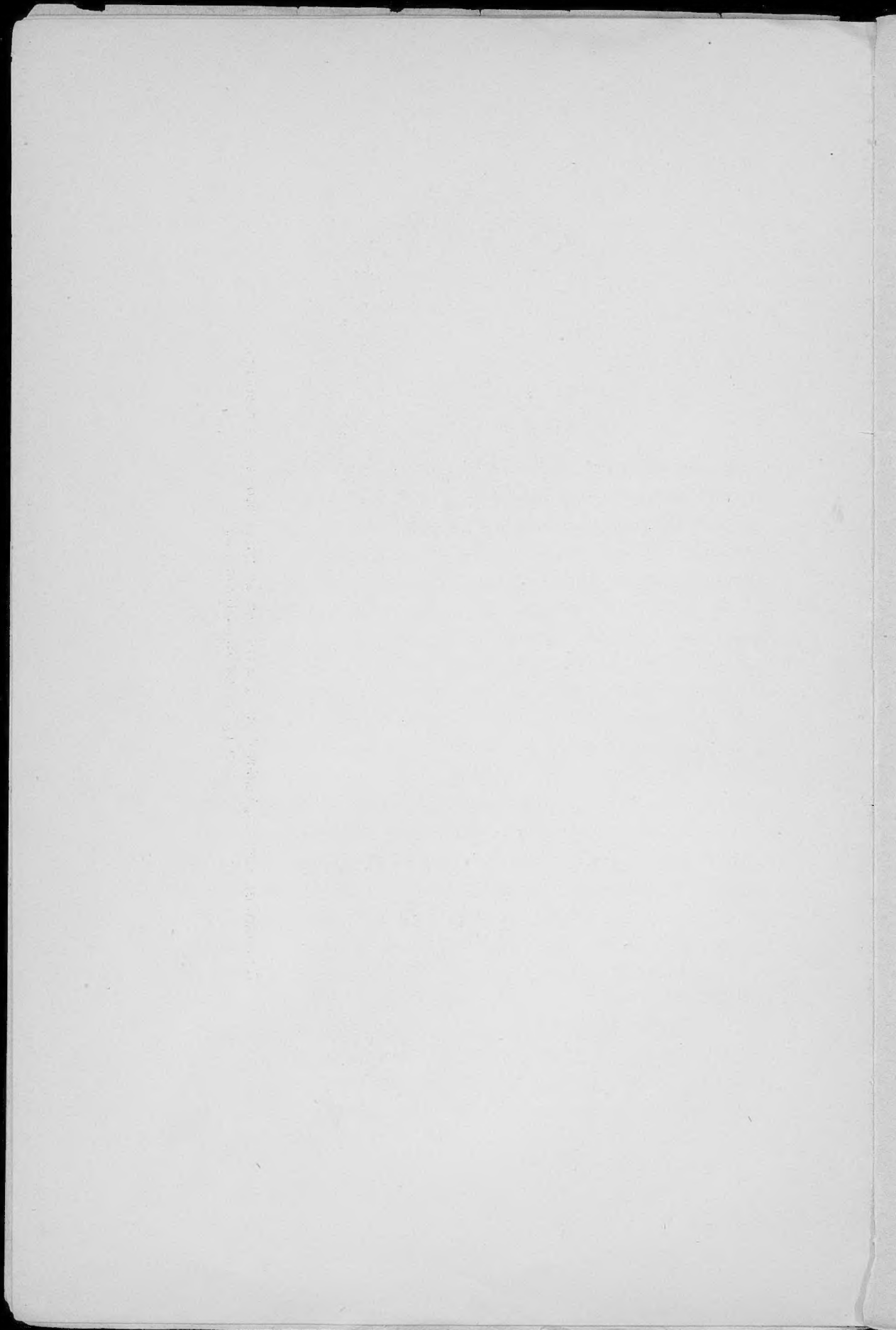
ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
I. Образованіе при Императорской Академіи Наукъ Комиссіи по устройству празднованія въ сотую годовщину дня рожденія А. С. Пушкина; ея составъ и дѣятельность	1—11
II. Торжественное Публичное собраніе Императорской Академіи Наукъ 26-го мая 1899 г.	11—72
1. Телеграмма Государя Императора.	12
2. Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату . .	12—13
3. Рѣчь Августѣйшаго Президента Академіи.	14—15
4. Рѣчь академика А. Н. Веселовскаго: «Пушкинъ— національный поэтъ».	16—33
5. Рѣчь сенатора А. Θ. Кони: «Общественные взгляды А. С. Пушкина»	34—70
6. Телеграмма князя Николая Черногорскаго.	70
7. Юбилейная кантата, слова К. Р.	71—72
III. Привѣтствія ученыхъ учреждений, высшихъ учебныхъ заведеній, ученыхъ обществъ и частныхъ лицъ изъ Россіи и изъ-за границы	73—105
1. Полученныя Академіей Наукъ	73—103
2. Полученныя редакціей газеты «Кгај»	104—105
IV. Пушкинская юбилейная выставка въ Императорской Академіи Наукъ и списокъ лицъ и учреждений, принявшихъ въ ней участіе	106—110

Снимокъ съ медали, выбитой въ память празднованія столѣтней годовщины дня рожденія А. С. Пушкина.

Въ октябрѣ 1898 года Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ обратилось къ Августѣйшему Президенту Академіи Великому Князю Константину Константиновичу съ просьбой войти въ сношеніе съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для доклада Государю Императору ходатайства Академіи объ образованіи при ней особой Коммисіи по устройству чествованія памяти великаго русскаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина по случаю имѣющаго исполниться 26-го мая 1899 года столѣтія со дня его рожденія. 8-го октября 1898 года Августѣйшій Президентъ Академіи отнесся къ г. Управляющему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія съ слѣдующимъ письмомъ:

«26-го мая 1899 года исполнится сто лѣтъ со дня рожденія великаго нашего поэта Александра Сергѣевича Пушкина.

«Въ средѣ Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ возникъ вопросъ о достойномъ чествованіи, въ этотъ день, памяти поэта. При обсужденіи этого вопроса Отдѣленіе остановилось на той мысли, что чествованіе не слѣдуетъ ограничивать только стѣнами Академіи, но что оно должно быть устроено такъ, чтобы торжество возбудило живое сочувствіе во всемъ русскомъ образованномъ обществѣ, и чтобъ оно по возможности имѣло воспитательное значеніе для народа. Задача эта представляется хотя и довольно сложною, но исполнимою, если мѣры къ осуществленію будутъ приняты безотлагательно и руководство

всѣмъ дѣломъ будетъ сосредоточено въ одномъ центрѣ. Второе Отдѣленіе Академіи полагаетъ, что такимъ центромъ могла бы служить Академія Наукъ и въ частности особая при ней образованная Коммиссія, въ составъ которой, кромѣ членовъ Академіи, были бы приглашены представители отечественной литературы, науки и искусства.

«Вполнѣ одобряя мысль Второго Отдѣленія Академіи относительно празднованія столѣтія со дня рожденія Пушкина и полагая, что принятіемъ на себя руководства въ этомъ дѣлѣ Академія исполнитъ свой долгъ предъ государствомъ и обществомъ, прошу Ваше Превосходительство повергнуть предположенія Отдѣленія на благовоззрѣніе Его Императорскаго Величества и исходатайствовать Высочайшее соизволеніе на образованіе при Академіи особой Коммиссіи по устройству празднованія столѣтія со дня рожденія Пушкина съ тѣмъ, чтобы выборъ членовъ Коммиссіи былъ предоставленъ Президенту Академіи, чтобы на Коммиссію была возложена выработка программы чествованія, и чтобы, въ случаѣ одобренія означенной программы Государемъ Императоромъ, Коммиссія была уполномочена руководить устройствомъ празднества и входить по сему предмету въ сношеніе со всѣми лицами и учрежденіями, содѣйствіе коихъ окажется необходимымъ и полезнымъ».

Г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, предварительно испрошенія Высочайшаго соизволенія на образованіе упомянутой Коммиссіи, просилъ Августѣйшаго Президента сообщить, не сообразовалъ ли онъ изъяснить свое согласіе на принятіе на себя званія Предсѣдателя Пушкинской Коммиссіи; затѣмъ, по полученіи утвердительнаго отвѣта отъ Его Императорскаго Высочества, тайный совѣтникъ Боголѣповъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, и Государь Императоръ, 28-го октября 1898 года, Высочайше соизволилъ на образованіе при Императорской Академіи Наукъ особой Коммиссіи по устройству чествованія столѣтія со дня рожденія великаго русскаго поэта подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина

Константиновича, при чемъ выразилъ свое полное согласіе на то, чтобы выборъ членовъ Коммиссіи былъ предоставленъ ея Предсѣдателю. Къ участию въ предстоящихъ работахъ по обсужденію вопроса о достойномъ чествованіи памяти А. С. Пушкина были приглашены Августѣйшимъ Предсѣдателемъ Коммиссіи лица, извѣстныя своими заслугами на поприщѣ науки, литературы и искусства, какъ изъ среды членовъ Академіи, такъ и изъ лицъ постороннихъ, на содѣйствіе которыхъ въ предстоящихъ сложныхъ запятіяхъ она могла разсчитывать. Такимъ образомъ, въ составъ Коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Президента Академіи Великаго Князя Константина Константиновича, вошли слѣдующія лица изъ состава Академіи: вице-президентъ академикъ т. с. Леонидъ Николаевичъ Майковъ, непремѣнный секретарь академикъ г.-л. Николай Ѳеодоровичъ Дубровинъ; академики: д. т. с. Константинъ Степановичъ Веселовскій, д. т. с. Михайла Ивановичъ Сухомлиновъ, д. т. с. Аонасій Ѳеодоровичъ Бычковъ, т. с. Александръ Николаевичъ Веселовскій, т. с. Ѳеодоръ Александровичъ Бредихинъ, т. с. Петръ Васильевичъ Никитинъ, с. с. Александръ Николаевичъ Пыпинъ, с. с. Алексѣй Александровичъ Шахматовъ; почетные члены Академіи: Его Великогерцогское Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, д. т. с. Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, д. т. с. Тертій Ивановичъ Филипповъ, д. т. с. Дмитрій Мартыновичъ Сольскій, д. т. с. Сергѣй Юліевичъ Витте, т. с. Анатолій Ѳеодоровичъ Кони, гофмейстеръ двора Его Императорскаго Величества графъ Иванъ Ивановичъ Толстой; члены-корреспонденты Академіи: гофмейстеръ двора Его Императорскаго Величества графъ Арсеній Аркадіевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, д. с. с. Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ; изъ постороннихъ лицъ: управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія т. с. Николай Павловичъ Боголѣповъ, товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія д. с. с. Николай Андреевичъ Звѣревъ, директоръ Императорскихъ театровъ

оберъ-гофмейстеръ Иванъ Александровичъ Всеволожскій, ректоръ С.-Петербургскаго университета т. с. Василій Ивановичъ Сергѣевичъ, профессоръ С.-Петербургской консерваторіи с. с. Николай Андреевичъ Римскій-Корсаковъ, академики Императорской Академіи художествъ баронъ Михаилъ Петровичъ Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ и Михаилъ Яковлевичъ Вилліе, директоръ Императорскаго Александровскаго лицея г.-л. Оедоръ Александровичъ Фельдманъ, директоръ Педагогическаго музея Военно-учебныхъ заведеній г.-л. Аполлонъ Николаевичъ Макаровъ, с. с. Викторъ Петровичъ Острогорскій, гофмейстеръ двора Его Императорскаго Величества Константинъ Константиновичъ Случевскій, редакторъ «Правительственнаго Вѣстника», д. с. с. Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ, Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ, издатель газеты «Новое Время», и предсѣдатель союза писателей д. с. с. Петръ Николаевичъ Исаковъ.

Еще прежде, чѣмъ начались занятія вновь образованной Коммисіи, 10-го ноября 1898 года, состоялось, подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Президента Императорской Академіи Наукъ, засѣданіе особаго совѣщанія, въ которомъ приняли участіе члены Отдѣленія русскаго языка и словесности, ординарные академики: А. О. Бычковъ, М. И. Сухомлиновъ, А. Н. Веселовскій, Л. Н. Майковъ, А. Н. Пыпинъ и экстраординарный академикъ А. А. Шахматовъ, непремѣнный секретарь Академіи экстраординарный академикъ Н. О. Дубровинъ и приглашенный въ засѣданіе с. с. В. П. Острогорскій. Въ этомъ засѣданіи были между прочимъ доложены: 1) записка В. П. Острогорскаго съ проектами устройства празднованія юбилея А. С. Пушкина, 2) доставленный г. Острогорскимъ, выработанный Педагогическимъ совѣтомъ гимназій Императорскаго Человѣколюбиваго общества въ С.-Петербургѣ проектъ чествованія памяти поэта въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (преимущественно въ гимназіяхъ) и 3) письмо къ Августѣйшему Президенту отъ бывшаго профессора С.-Петербургской консерва-

торіи А. И. Рубца, съ предположеніями, во многомъ сходными съ проектомъ г. Острогорскаго.

Подвергнувъ обсужденію вопросы, затронутые въ означенныхъ трехъ запискахъ, совѣщаніе намѣтило въ общихъ чертахъ программу юбилейнаго торжества. Эта же программа была подвергнута всестороннему обсужденію членовъ Коммиссіи въ первомъ ея засѣданіи, происходившемъ 20-го ноября 1898 года подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Президента Императорской Академіи Наукъ и въ присутствіи почти всѣхъ ея членовъ. По разсмотрѣніи проекта Коммиссія постановила образовать изъ своего состава, для выработки подробностей празднованія, особую исполнительную подкомиссію, подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Президента Императорской Академіи Наукъ, изъ слѣдующихъ членовъ: вице-президента Академіи Л. Н. Майкова, непремѣннаго секретаря Н. О. Дубровина, академиковъ А. О. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. Н. Веселовскаго, А. Н. Пыпина и А. А. Шахматова, товарища Министра Народнаго Просвѣщенія Н. А. Звѣрева, графа И. И. Толстого, И. А. Всеволожскаго, А. О. Кони, К. К. Случевскаго, М. Я. Вилліе, Н. А. Римскаго-Корсакова, В. П. Острогорскаго и П. Н. Исакова.

Подкомиссія эта собиралась пять разъ (4-го, 11-го и 23-го декабря 1898 года, 26-го января и 19-го марта 1899 года) и въ первыхъ трехъ засѣданіяхъ выработала слѣдующую программу чествованія памяти А. С. Пушкина:

1) Положено просить подлежащія духовныя власти о распоряженіи отслужить въ день столѣтней годовщины рожденія Александра Сергѣевича Пушкина, 26-го мая 1899 года, заупокойную литургію и панихиду по почившемъ поэтѣ: въ С.-Петербургѣ—въ Казанскомъ соборѣ, въ церкви при Императорскомъ Александровскомъ лицей, въ которомъ воспитывался Пушкинъ, и въ Конопенной церкви, гдѣ происходило отпѣваніе его тѣла; въ Москвѣ—въ церкви Богоявленія, что въ Елоховѣ (въ приходѣ, гдѣ родился поэтъ), и въ Святогорскомъ монастырѣ, Псковской губерніи, на

могилѣ поэта. Доброму усердію духовенства предоставляется почитать память поэта молитвеннымъ служеніемъ и въ другихъ храмахъ обѣихъ столицъ и прочихъ городахъ, а равно въ церк-вахъ при учебныхъ заведеніяхъ.

2) 26-го мая, послѣ Божественной службы, имѣеть со-стояться торжественное публичное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ, съ произнесеніемъ рѣчей и исполненіемъ особо написанной по сему случаю кантаты.

3) Съ 15-го по 26-е мая въ большомъ конференцъ-залѣ Академіи Наукъ имѣеть быть открыта выставка предметовъ, принадлежащихъ Пушкину, его рукописей, изданій его сочи-неній и проч.

4) Желательно устроить въ память А. С. Пушкина на Им-ператорскихъ театрахъ драматическіе и оперные спектакли изъ произведеній поэта, въ апрѣлѣ, на Святой недѣлѣ, въ теченіе трехъ дней, при чемъ въ С.-Петербургѣ въ Александринскомъ театрѣ могутъ быть поставлены сцены изъ «Бориса Годунова» и другихъ пьесъ, по усмотрѣнію директора Императорскихъ театровъ, а въ заключеніе апоеозъ: «А. С. Пушкинъ и его муза, окруженные группами изъ произведеній поэта», а въ Маріинскомъ театрѣ — исполнены оперы: «Евгеній Онѣгинъ», «Русалка» и «Русланъ и Людмила»; въ Москвѣ: въ Большомъ театрѣ могутъ быть поставлены сцены изъ пьесъ: «Скупой ры-царь», «Русалка», «Каменный Гость», «Борисъ Годуновъ» и апоеозъ; передъ бюстомъ А. С. Пушкина артистами, хоромъ и оркестромъ Императорскихъ театровъ будетъ исполнена «Слава» и будетъ поставлено нѣсколько группъ изъ произведеній поэта.

5) Положено просить всѣ вѣдомства, въ вѣдѣніи коихъ нахо-дятся учебныя заведенія, ознаменовать столѣтнюю память А. С. Пушкина соответствующимъ торжествомъ.

6) Желательно устроить въ обѣихъ столицахъ и по всей Россіи, гдѣ представится возможнымъ, рядъ чтеній для народа съ туманными картинами, заимствуя ихъ изъ произведеній А. С. Пушкина.

7) Разрѣшеннымъ отъ Правительства частнымъ обществамъ предоставляется устройство художественныхъ празднествъ въ память А. С. Пушкина, каждому въ отдѣльности или по соглашенію обществъ между собою.

8) На память о юбилейномъ торжествѣ желательно поручить профессору В. М. Васнецову изготовить, по его выбору, иллюстрацію одного изъ произведений А. С. Пушкина, и сверхъ того, желательно отпечатать портретъ поэта съ гравюры Райта, доска коей имѣется въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, для распространенія его по Россіи въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ.

9) Положено испросить Высочайшее Государя Императора разрѣшеніе на выбітіе медали въ память празднованія столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина, при чемъ медали эти, серебряныя или бронзовыя, выдать всѣмъ выпускнымъ воспитанникамъ учебныхъ заведеній, которые будутъ удостоены награжденія въ 1899 году, сверхъ получаемыхъ ими наградъ.

10) Положено ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ: а) о принятіи Правительствомъ на себя заботъ по охраненію навсегда въ приличномъ видѣ могилы А. С. Пушкина въ Святогорскомъ монастырѣ и б) о приобрѣтеніи въ казну усадьбы и, если возможно, всей земли имѣнія Пушкиныхъ, села Михайловскаго, Опочецкаго уѣзда, Псковской губерніи, съ предоставленіемъ псковскому дворянству устроить въ этой усадьбѣ помѣщенія для нуждающихся престарѣлыхъ писателей.

Программа эта была одобрена во второмъ засѣданіи Коммисіи, происходившемъ 10-го января 1899 года, на которомъ положено было представить ее на Высочайшее утвержденіе Государя Императора, каковое и послѣдовало 20-го января по докладу Августѣйшаго Президента. Въ то же время Августѣйшій Предсѣдатель Коммисіи испросилъ у Государя Императора отпускъ суммъ, необходимыхъ: 1) на составленіе и изданіе кантаты (2000 руб.); 2) на изготовленіе иллюстраціи одного изъ произведений Пушкина и на отпечатаніе портрета поэта и распространеніе его по

Россіи; 3) на выбитіе медали въ память празднованія столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина¹⁾; 4) на расходы по устройству Пушкинской выставки (1000 руб.); 5) на приобрѣтеніе Правительствомъ имѣнія Михайловскаго и устройство въ немъ, въ память А. С. Пушкина, дома или усадьбы для нуждающихся и престарѣлыхъ литераторовъ, и 6) на увеличеніе до трехъ тысячъ рублей пенсіи дочери А. С. Пушкина — вдовѣ генералъ-маіора М. А. Гартунгъ.

Въ засѣданіи подкомиссіи, происходившемъ 26-го января 1899 года, постановлено было: 1) объявить конкурсъ на слова юбилейной кантаты и просить авторовъ доставить свои стихотворенія въ Академію не позже 15-го февраля, непременно подъ девизомъ, а для оцѣнки произведеній составить подъ предсѣдательствомъ М. И. Сухомлинова комиссію изъ академиковъ: Л. Н. Майкова, Н. О. Дубровина, А. О. Бычкова, А. Н. Пыпина и А. А. Шахматова, А. О. Кони и композиторовъ Н. А. Римскаго-Корсакова и А. К. Глазунова, котораго просить принять на себя составленіе музыкальной части кантаты съ вознагражденіемъ въ 1000 руб.; 2) поручить профессору живописи В. М. Васнецову изготovitъ иллюстрацію къ стихотворенію Пушкина «Вѣщій Олегъ» въ видѣ складня въ четырехъ картинахъ, съ вознагражденіемъ по 200 руб. за картину, и отпечатать ее въ количествѣ 10000 экземпляровъ; 3) отпечатать 100000 экземпляровъ портрета Пушкина съ гравюры Райта; 4) изготovitъ золотыя (4 экземпляра)²⁾, серебряныя (20 экз.) и бронзовыя (5000 экз.) медали въ память празднованія столѣтней годовщины со дня рожденія Пушкина, и работу штемпелей поручить медальеру С.-Петербургскаго монетнаго двора классному художнику М. А. Скуднову по рисунку графа И. И. Толстого, Высочайше утвержденному.

1) Расходы по 3-му и 4-му пунктамъ отнесены на счетъ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и С.-Петербургскаго Монетнаго двора.

2) Для Государя Императора, Государынь Императрицъ и Императорскаго Александровскаго лица.

Въ третьемъ (последнемъ) засѣданіи Коммиссіи, происходившемъ 30-го марта 1899 года, было положено испросить Высочайшее разрѣшеніе на образованіе при Императорской Академіи Наукъ особой Коммиссіи для сооруженія памятника А. С. Пушкину. Вслѣдствіе того Августѣйшій Президентъ Академіи Наукъ вошелъ къ Государю Императору съ всеподданнѣйшимъ докладомъ объ избраніи особаго Предсѣдателя, которому было бы предоставлено право: 1) составить по его усмотрѣнію Коммиссію изъ числа лицъ, извѣстныхъ ему по своей спеціальности; 2) объявить о добровольной подпискѣ на сооруженіе памятника А. С. Пушкину въ С.-Петербургѣ и 3) принять мѣры къ составленію проектовъ памятника и, по утвержденіи одного изъ нихъ Государемъ Императоромъ, приступить къ постройкѣ самого памятника. Его Императорское Величество, изъявивъ Всемилостивѣйшее Свое согласіе на таковое ходатайство, изволилъ 20-го апрѣля начертать на докладѣ собственноручно: «Предсѣдателемъ избираю Президента Императорской Академіи Наукъ». Сообщивъ объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе черезъ объявленіе въ газетахъ, Императорская Академія Наукъ просила лицъ, желающихъ содѣйствовать постройкѣ памятника А. С. Пушкину, адресовать свои пожертвованія, не стѣсняясь ихъ размѣрами, на ея имя. Въ члены означенной Коммиссіи, кромѣ вице-президента и непремѣннаго секретаря Академіи, вошли: графъ Ив. Ив. Толстой, М. Я. Вилліе, П. Н. Исаковъ, А. П. Саломонъ, А. Н. Веселовскій, П. И. Леяновъ и Н. В. Султановъ.

Во исполненіе постановленій подкоммиссіи, выраженныхъ въ Высочайше утвержденной программѣ, Академія Наукъ снеслась съ митрополитомъ С.-Петербургскимъ Высокопреосвященнымъ Антоніемъ и придворнымъ протопресвитеромъ о. І. Л. Янышевымъ объ отслуженіи заупокойной литургіи и панихиды по почившемъ рабѣ Божіемъ Александрѣ. Великая княгиня Александра Іосифовна, Августѣйшая Предсѣдательница Императорскаго русскаго Музыкальнаго Общества, изъявила свое полное

согласіе на предоставленіе зала С.-Петербургской Консерваторіи для торжественнаго засѣданія Императорской Академіи Наукъ въ память великаго поэта 26-го мая.

Коммиссія, избранная для оцѣнки стихотвореній, представленныхъ на конкурсъ для юбилейной кантаты, ознакомившись съ 40 представленными произведеніями, признала наиболѣе подходящими подъ условія конкурса два стихотворенія: одно подъ девизомъ:

Душа поэта вострепнется,
Какъ пробудившійся орелъ,

и другое подъ девизомъ:

Начинающій — безсмертному.

По тщательной сравнительной оцѣнкѣ обоихъ стихотвореній литературныя достоинства перваго оказались значительно выше, чѣмъ втораго, а потому Коммиссія единогласно остановила свой выборъ на первомъ; по вскрытіи конверта съ девизомъ, авторомъ этого стихотворенія оказался, Августѣйшій Президентъ Академіи Великій Князь Константинъ Константиновичъ.

Устройство Пушкинской юбилейной выставки поручено въ ближайшее завѣдываніе вице-президенту Академіи Л. Н. Майкову.

По вопросу объ устройствѣ повторенія бесплатнаго спектакля въ Императорскихъ театрахъ для воспитанниковъ и воспитанницъ учебныхъ заведеній столицъ Августѣйшій Президентъ входилъ въ сношеніе съ Министромъ Императорскаго двора, по Всеподданнѣйшему докладу котораго Государь Императоръ разрѣшилъ устроить такой спектакль 6-го мая въ С.-Петербургскомъ Александринскомъ и Московскомъ Маломъ театрахъ съ участіемъ артистовъ русско-драматическихъ труппъ. Спектакли эти состоялись по слѣдующей программѣ:

I. Гимнъ: «Боже, царя храни!»

II. «Моцартъ и Сальери». Сцены въ 2-хъ картинахъ.

III. «Скупой Рыцарь». 2-я картина.

IV. «Евгеній Онѣгинъ». Письмо Татьяны.

V. «Каменный гость». Сцена у памятника командора.

VI. «Борисъ Годуновъ»: 1-я сцена — «Келья въ Чудовомъ монастырѣ»; 2-я сцена — «Корчма на Литовской границѣ».

VII. Апоеозъ: «А. С. Пушкинъ и его муза, окруженные группами изъ произведеній поэта». Живая картина класснаго художника А. С. Янова. Во время картины оркестромъ была исполнена «Слава» Пушкину.

Что касается устройства такого же опернаго спектакля, то въ виду того, что артисты оперной труппы послѣ 1-го мая освобождаются отъ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей, устройство означеннаго спектакля не представилось возможнымъ.

Министерства: Морское и Финансовъ, Собственная Его Императорскаго Величества Канцелярія по учрежденіямъ Императрицы Маріи, Министерства: Народнаго Просвѣщенія, Путей Сообщенія, Военное, Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ и Внутреннихъ Дѣлъ сообщили въ Комиссію программы предполагаемаго чествованія памяти А. С. Пушкина.

26-го мая, въ большомъ залѣ С.-Петербургской Консерваторіи, состоялось торжественное публичное собраніе Императорской Академіи Наукъ, подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Президента Академіи, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича. Къ двумъ часамъ дня, обширный залъ наполнился почетными приглашенными лицами, среди которыхъ находились: Предсѣдатель Комитета Министровъ, Министры: Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія, Финансовъ, Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Юстиціи и Военный, Управляющій Морскимъ Министерствомъ и многія другія высокопоставленныя лица. Въ два часа на собраніе изволили прибыть: Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Владиміръ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ, Борисъ Владиміровичъ, Андрей Владиміровичъ, Великая

Княгиня Милица Николаевна, Великая Княжна Елена Владиміровна, Княгиня Анастасія Николаевна Романовская Герцогиня Лейхтенбергская, Князь Александръ Георгіевичъ Романовскій Герцогъ Лейхтенбергскій и ихъ Высочества Александръ Петровичъ и Петръ Александровичъ Ольденбургскіе. На театральной сценѣ, утопая въ тропическихъ растеніяхъ, возвышался бюстъ Пушкина, весь залитый электрическимъ свѣтомъ. Средину сцены занялъ придворный оркестръ, а впереди, на авансценѣ, за длиннымъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, размѣстились члены Императорской Академіи Наукъ, во главѣ со своимъ Августѣйшимъ Президентомъ, имѣвшимъ по правую руку вице-президента академика Л. Н. Майкова, а по лѣвую — непремѣннаго секретаря Академіи — академика Н. О. Дубровина. Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ открылъ собраніе чтеніемъ слѣдующей телеграммы, полученной Его Высочествомъ отъ Государя Императора:

„Не имѣя возможности присутствовать въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ, посвященномъ чествованію столѣтія со дня рожденія великаго поэта Пушкина, Я сердцемъ и умомъ участвую въ празднествѣ, въ которомъ въ этотъ знаменательный день сливается вся Россія.

Никол ай“.

Затѣмъ Августѣйшій Президентъ прочелъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, данный въ Царскомъ Селѣ 19-го апрѣля 1899 года:

«Одушевляемые горячею любовью къ родному языку и родной словесности, завѣщанною Намъ Державными Предками Нашими, признали Мы за благо, во вниманіе къ представленію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Президента Академіи Наукъ, ознаменовать столѣтіе со дня рожденія великаго русскаго писателя Пушкина учрежденіемъ въ Император-

ской Академіи Наукъ посвященныхъ его памяти: разряда изящной словесности и особаго фонда имени Пушкина.

«Вновь учреждаемый разрядъ долженъ составить одно цѣлое съ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, образованнымъ изъ Императорской Россійской Академіи, членомъ которой былъ Пушкинъ; на открываемыя въ семъ Отдѣленіи новыя должности академиковъ должны быть избираемы какъ писатели художники, такъ равно ученые изслѣдователи въ области словесности.

«Пушкинскій фондъ предназначается для изданія произведений русскихъ писателей, а также Словаря русскаго языка и другихъ трудовъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ.

«Въ сихъ видахъ Всемилостивѣйше повелѣваемъ:

«1) Въ дополненіе къ Высочайше утвержденному 1-го іюня 1893 года штату Императорской Академіи Наукъ, учредить во Второмъ ея Отдѣленіи русскаго языка и словесности шесть новыхъ должностей ординарныхъ академиковъ съ содержаніемъ, по означенному штату положеннымъ.

«2) На образованіе Пушкинскаго фонда отпускать ежегодно изъ Государственнаго Казначейства, сверхъ ассигнуемыхъ нынѣ Второму Отдѣленію Академіи Наукъ суммъ, по пятнадцати тысячъ рублей.

«3) Потребную для содержанія шести ординарныхъ академиковъ и на расходы по Пушкинскому фонду сумму вносить въ смѣту по Министерству Народнаго Просвѣщенія, начиная съ 1900 года.

«Мы твердо вѣримъ, что Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, какъ высшее въ Россіи учрежденіе, въ кругъ занятій коего входятъ словесныя науки, не перестанетъ ревностно трудиться для ихъ процвѣтанія, обогащая отечественную словесность новыми вкладами и призывая въ свою среду достойныхъ представителей русской науки и литературы».

По прочтеніи указа Августѣйшій Президентъ Императорской Академіи Наукъ сказалъ слѣдующую рѣчь:

«Исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія великаго нашего поэта. Знаменательную эту годовщину радостно празднуетъ вся Россія. Императорская Академія Наукъ, призванная стоять во главѣ русскаго просвѣщенія, не могла не взять на себя почина въ устройствѣ чествованія памяти А. С. Пушкина. Для этой цѣли при Академіи еще въ минувшемъ году учреждена и Высочайше утверждена Коммиссія, въ составъ которой вошли представители государственной, общественной, научной, литературной и художественной дѣятельности. Коммиссія выработала программу чествованія, которая удостоилась утвержденія Его Императорскаго Величества. Согласно этой программѣ, столѣтняя память Пушкина должна быть ознаменована особымъ торжествомъ.

«Къ празднованію этой годовщины привлечены учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ.

«Въ обѣихъ столицахъ и по всей Россіи, послѣ Божественной службы за упокой души поэта, устраиваются, гдѣ представляется возможнымъ, чтенія для народа о нашемъ величайшемъ народномъ писателѣ или заимствованія изъ его твореній.

«На память о юбилейномъ торжествѣ изготавливается изданіе «Пѣсни о Вѣщемъ Олегѣ» съ рисунками извѣстнаго художника В. М. Васнецова.

«Для распространенія по Россіи въ возможно большемъ количествѣ снимковъ отпечатанъ портретъ Пушкина съ гравюры Райта.

«Въ увѣковѣченіе памяти о сегодняшней годовщинѣ выбита медаль, серебряные и бронзовые экземпляры которой предназначены для раздачи всѣмъ выпускнымъ воспитанникамъ учебныхъ заведеній, удостоиваемымъ награжденія въ нынѣшнемъ году.

«Правительство приняло на себя заботы по охраненію дорогой для Россіи могилы поэта въ Святогорскомъ монастырѣ.

«Имѣніе Пушкиныхъ—село Михайловское, Опочецкаго уѣзда Псковской губерніи, приобрѣтено въ казну съ предоставленіемъ псковскому дворянству устроить въ усадьбѣ покойнаго поэта

какое-либо благотворительное учрежденіе, связанное съ именемъ А. С. Пушкина.

«Разрѣшена повсемѣстная подписка на сооруженіе въ С.-Петербургѣ памятника безсмертному поэту.

«Отдѣленіе русскаго языка и словесности уже 10 лѣтъ назадъ приступило къ академическому изданію произведеній Пушкина подъ редакціею академика Л. Н. Майкова. Первый томъ этого изданія вышелъ въ свѣтъ къ юбилейному дню.

«Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше соизволить на увеличеніе до трехъ тысячъ рублей пенсіи дочери А. С. Пушкина, вдовѣ генераль-маіора Гартунгъ.

«Родной внукъ поэта, Бронницкій уѣздный предводитель дворянства, коллежскій ассессоръ Пушкинъ Всемиловѣйше пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества.

«Какъ гласятъ слова Высочайшаго Указа Правительствующему Сенату, чествуемый сегодня нашъ великій поэтъ состоялъ членомъ основанной Императрицею Екатериною Второю Россійской Академіи. Впослѣдствіи преобразованная въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, эта Академія въ память принадлежности къ ней Пушкина, нынѣ, благодаря щедрой Монаршей милости, вновь возраждается, оставаясь въ составѣ Императорской Академіи Наукъ.

«Академія Наукъ положила собраться въ чрезвычайное засѣданіе для чествованія вѣковой памяти своего незабвеннаго сочлена.

«Если по лицу нашего обширнаго отечества повсемѣстно празднуютъ сотую годовщину рожденія этого пѣвца изъ пѣвцовъ, то гдѣ, какъ не въ столицѣ, которую воспѣлъ онъ въ дивныхъ стихахъ, и кому, какъ не Академіи, коей онъ былъ лучшимъ украшеніемъ, восторженно воскликнуть: «Да живетъ во вѣки въ русскихъ сердцахъ имя Пушкина — любовь, гордость и слава великой Россіи»!

Затѣмъ на кафедрѣ взошелъ академикъ А. Н. Веселовскій и произнесъ слѣдующую рѣчь:

Пушкинъ — національный поэтъ.

Сто лѣтъ тому назадъ родился Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, и мы невольно соединяемъ съ этой памятью — память о зарожденіи нашей новой поэзіи, той поэзіи, которую мы считаемъ своею, въ которой чувствуемъ бѣніе нашей жизни, въ колеяхъ которой до сихъ поръ идетъ развитіе нашего изящнаго слова. Эта поэзія ввела насъ впервые и прочно въ круговоротъ западноевропейскихъ литературъ; среди нихъ и наша получила свое опредѣленное мѣсто и признаніе. Съ такимъ признаніемъ позволено считаться не изъ одного лишь народнаго тщеславія: оно поднимаетъ наше самосознаніе, подтверждая нашу собственную себѣ оцѣнку.

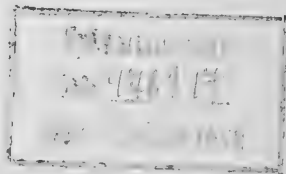
Съ XVIII вѣка мы вступили въ болѣе тѣсную связь съ западомъ; къ намъ приходили оттуда науки, нравы и привычки и принимались, какъ могли, на верхахъ общества; переходили идеалы, до которыхъ мы не дожили; переходили формы стиха и литературные роды и типы, выразившіе итоги извѣстнаго историческаго развитія и общественныхъ теченій, чему у насъ ни въ жизни, ни въ литературѣ ничто не отвѣчало. Чтò общаго между западнымъ понятіемъ о героизмѣ и перенесенною къ намъ героическою одой съ Марсомъ, Беллоной и т. п.? Она давала поэту возможность высказать въ торжественныхъ стихахъ свой наивный патріотизмъ, но и приучала къ неискреннимъ восторгамъ, открывая горизонты фразъ, въ которыхъ могло выразиться, но часто и терялось народное чувство. Трагедія французскаго типа прилаживалась къ русскимъ историческимъ именамъ и воспоминаніямъ — безъ пониманія духа нашей исторіи; комедія и сатира бичевали нравы, вскрывая темныя стороны нашего быта, создавая отрицательные типы, полные шаржа; положительные типы — не живыя лица, а указки или проповѣдники, отъ Стародума до Чацкаго; они не пережиты, не выстраданы поэтически. Идиллія и burlesque дали намъ кадры для изображеній изъ народной жизни: либо ухарства и разгула, либо пастушковъ, выющихъ вѣнки

у своего стада, земледѣльцевъ, отдыхающихъ отъ своихъ «непорочныхъ» трудовъ. Когда затѣмъ настала на западѣ періодъ чувствительности, — и у насъ растворились сердца для «нѣжнойшей тоски», «для священной меланхоліи» (Карамзинъ), «царицы превыспренныхъ мыслей» («Иппокрена», ч. VI, 433), и мы плакали надъ «Бѣдной Лизой», въ которой ничего нѣтъ русскаго, кромѣ декораціи. Романтизмъ, естественно развившійся въ условіяхъ западной литературы и жизни, заразилъ насъ любовью къ народнымъ мотивамъ и мѣстному колориту, къ сказочно-страшному послѣ трагически-ужаснаго; но народность нашихъ романтиковъ можно было бы встрѣтить и на берегахъ Рейна, а очертанія мѣстности расплывались въ мистически-лунномъ освѣщеніи. «Нынѣ въ какую книжку ни заглянешь, что ни прочитаешь, пѣснь или посланіе, вездѣ мечтанія, а натуры ни на волосъ», писалъ Грибоѣдовъ (1816 г.). Все это изошряло чувство, вело къ выработкѣ языка Жуковскаго и Батюшкова; становилась возможнѣ лирика непосредственнаго, личнаго настроенія, но мотивамъ общественности въ ней еще нѣтъ отзыва.

«Есть языкъ русскій», говорилъ въ 1823—24-мъ гг. князь Вяземскій, — «но нѣтъ словесности, достойнаго выраженія народа могучаго и могущественнаго»; «мы еще не имѣемъ русскаго покроя въ литературѣ, можетъ быть, и имѣть не будемъ, потому что его нѣтъ».

Когда писались эти строки, новая русская поэзія уже зародилась. Изъ утреннихъ тумановъ, въ которыхъ выются тѣни классиковъ и романтиковъ, старыхъ западниковъ и народниковъ, Арзамаса и Бесѣды, выдѣляется образъ юноши Пушкина, и всѣ точно приглядываются къ нему, прислушиваются; его ждали. Онъ только-что вышелъ изъ Лицея, а за его игривою музою всѣ волочатся; его стихи, экспромпты попадаютъ въ публику раньше, чѣмъ въ печать, иные потерялись по дорогѣ: «много алмазныхъ искръ Пушкина разсыпалось тутъ и тамъ въ потемкахъ», говорилъ позже Даль. Когда поэтъ окрѣпъ и могъ сказать о себѣ:

Звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ,

къ нему прикованы всѣ взгляды, и признаніе общества перевѣшиваетъ голосъ школьной хулы. Въ немъ надежда на что-то новое, желаемое, выяснявшееся постепенно, какъ день растетъ съ ходомъ солнца. «Старшіе богатыри» — Карамзинъ, Жуковский, Батюшковъ — дивуются на его поѣздку богатырскую. «Никто изъ русскихъ писателей не поворачивалъ нашими каменными сердцами, какъ ты», пишетъ ему Рылѣевъ. «Имя твое сдѣлалось народной собственностью», говоритъ ему князь Вяземскій. «Возведи русскую поэзію на ту степень между поэзіями всѣхъ народовъ, на которую Петръ Великій возвелъ Россію между державами. Соверши одинъ, что онъ совершилъ одинъ», ободрялъ его Боратынскій (1828 г.). Пушкинъ — «честь нашей народной жизни, нашей души, нашего слова» («Московский Наблюдатель» 1837 г.). «Отечества онъ слава и любовь! Онъ избранникъ, увѣнчанный въ народѣ» (Подолинскій, «Переѣздъ черезъ Яйлу» 1837 г.). Такъ поминули его въ годъ смерти.

Это — признаніе не только таланта, но и направленія. У Пушкина оно сказалось рано: первое произведеніе, обратившее на него вниманіе, «Русланъ и Людмила», — народная, скорѣе обрусѣвшая сказка въ стилѣ Аріосто; но важно то, что еще въ Лицеѣ на юнаго поэта повѣяло народною фантастикой, и когда въ 1828 году онъ говорилъ въ прологѣ:

Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ,

онъ связывалъ свое настоящее съ прошедшимъ, безсознательный починъ съ жизненной задачей зрѣлаго художника. Протянемъ эту красную нить по біографіи человѣка и поэта, и мы поймемъ, почему при имени Пушкина насъ «тотчасъ осѣняетъ мысль о русскомъ *національномъ поэтѣ*» (Гоголь), поймемъ и слова, съ которыми Погодинъ обратился къ студентамъ Московскаго университета по полученіи извѣстія о кончинѣ Пушкина: его сочиненіями «начинается новая эпоха въ русской литературѣ, эпоха *національности*».

Большіе русскіе поэты стояли у его колыбели; иныхъ онъ

видѣлъ въ домѣ отца, другихъ въ Лицеѣ; онъ вчитывался въ нихъ и учился, но его первоначальное воспитаніе было иностранное, главнымъ образомъ, французское, какъ въ большинствѣ образованныхъ дворянскихъ семей того времени. Его французскія письма не лишены стили, и въ пору своей «національности» онъ не освободился отъ нѣкоторыхъ галлицизмовъ. Такимъ образомъ онъ естественно попалъ въ колею обычныхъ чтеній, отъ французскихъ классиковъ XVII вѣка до Вольтера и Парни, Шенье, Шатобріана и Жоржа Занда, отъ Вальтера Скотта и Байрона до Шекспира, и невольно втягивался въ ихъ кругозоръ, въ прелесть формъ и содержаніе построеній. Но онъ не подражалъ, какъ наши сентименталисты и романтики, а творилъ на новыхъ стезяхъ. «Талантъ неволенъ», говорилъ онъ, — «и его подражаніе не есть постыдное похищеніе..., признакъ умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія». Какъ Мольеръ, онъ у другихъ бралъ свое: формы, отвѣчавшія его поэтическому чутью, будившія въ немъ его собственные «звуки новые»; типы, которые онъ находилъ и кругомъ себя, стремленія, которыя дѣлилъ съ лучшими людьми своего времени и самъ переживалъ страстно и тревожно. Уже въ этомъ смыслѣ онъ былъ націоналенъ и могъ сказать:

И неподкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа.

(1819 г. «Отвѣтъ на вызовъ написать стихи
въ честь государыни императрицы Елиза-
веты Алексѣевны»).

Оттого онъ не сентименталистъ, не романтикъ; байронистъ — только по совпаденію западныхъ литературныхъ и русскихъ общественныхъ моментовъ. Отъ Алеко до Онѣгина совершался въ самосознаніи переходъ отъ безсодержательныхъ грѣзъ и «безыменныхъ страданій» къ явленіямъ русской дѣйствительности: «другіе дни — другіе сны» («Отрывокъ изъ путешествія Онѣгина»). Онѣгины были на Руси выраженіемъ знаменательнаго времени

въ жизни нашего просвѣщеннаго общества; Татьяна — такое же живое лицо. Далѣе русская современность распахнула двери въ прошлое, обязывающее всякаго, кто созналъ историческое назначеніе своего народа. Въ нашихъ дворянскихъ семьяхъ, несмотря на ихъ полуфранцузское воспитаніе, все еще жили родовыя преданія, преданія не только спѣси, но и дѣятельнаго участія въ судьбахъ родной земли. Пушкины ей служили, и поэтъ твердо помнилъ свою родословную. Его тянетъ къ русской старинѣ по связи съ настоящимъ: объ этомъ онъ толкуетъ, пишетъ про себя, у него слагаются опредѣленные, нѣсколько идеальные взгляды на Петровскую реформу, на культурное, въ англійскомъ смыслѣ, значеніе нашего дворянства, какъ свободнаго руководителя народныхъ силъ. «Исторія» Карамзина стала для него откровеніемъ древности, раскрыла ея «очарованіе»; позже архивные источники и поѣздки на мѣста дѣйствій познакомили его съ матеріалами, почти вторгавшимися въ интересы современности. Все это отлилось въ поэтическихъ образахъ: забыты славянскіе барды и призранные Вадимы, явился Борисъ Годуновъ на фонѣ безмолвствующаго народа, Пименъ въ поэзіи своей кельи, Капитанская дочка въ смутахъ Пугачевщины; надо всѣми Петръ, Мѣдный Всадникъ и кормчій русской земли, русскій и западникъ вмѣстѣ, перекосившій наши старые порядки и выдвигнувшій насъ къ просвѣщенію, строгій и милостивый; прежде всего работникъ.

И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей —
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

Все это очутилось въ русской обстановкѣ, реальной и поэтической, выросло изъ нея, одно съ нею; вездѣ ощущается народная подпочва, впервые — «тихая и безпорывная» (Гоголь о Пушкинѣ) прелесть русскаго пейзажа, интимное пониманіе крестьянскаго быта; то и другое надо было не только передумать, но и прочувствовать. Вмѣсто «Разваливъ замка въ Швецію» явились картины русскаго лѣта и осени, зимней бури съ ея народнымъ чудеснымъ, поэзія русской деревни:

Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи....

(«Отрывки изъ Путешествія Олѣгина»).

«Блаженное искусство любоваться красотами и пріятностями природы» (Болотовъ) привилось къ намъ съ запада, но только Пушкинъ открылъ намъ красоты нашей избушки, гдѣ живетъ мельникъ «Русалки», старикъ со старухой «Сказки о рыбацкѣ и рыбкѣ», и теплится и сверкаетъ своя поэзія жизни. Ни Карамзинъ, ни Жуковский, ни Батюшковъ не были бы способны спуститься къ уровню «Каприза» (1830 г.), гдѣ Пушкинъ показываетъ «румяному критику», очевидно, любителю веселыхъ видовъ, глумившемуся надъ «томной музой» романтиковъ, картины русской деревенской дѣйствительности: тѣ-же убогія избушки, отлогій скатъ, густая полоса сѣрыхъ тучъ, два тощихъ деревца, обнаженныхъ осенью. Образъ, очевидно, запечатлѣлся, сталъ символомъ, и художникъ развиваетъ его бытовою сценой, тусклою, какъ тонъ пейзажа. Мы предчувствуемъ реализмъ Некрасова:

На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичекъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ.
Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ ребенка
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ да церковь отворилъ:
Скорѣй, ждаты некогда, давно бъ ужъ схоронилъ.

Что жъ ты нахмурился? спрашиваетъ поэтъ румянаго критика.

Пушкинъ въ поэзіи — нашъ первый народникъ-реалистъ; онъ реалистъ и въ смыслѣ языка: и до него народные элементы проникали въ нашу литературную рѣчь, иногда для рельефа, послѣдовательнѣе у Грибоѣдова и Крылова, у котораго Жуковский находилъ выраженія не по вкусу людямъ, «привыкшимъ къ языку хорошаго общества». Пушкинъ сдѣлалъ народное слово

достояніемъ поэзіи. Его критики считали «низкими, бурлацкими» такія слова, какъ «усы», «визжать», «вставай» и т. п., смѣялись надъ стихомъ:

Людскую молвь и конскій топъ.

Онъ защитилъ его словоупотребленіемъ сказки, требуя для языка болѣе воли (письмо къ Погодину), предпочитая простонародность «жеманству и напыщенности». И здѣсь у него послышались «звуки новыя». Его бабушка, «наперница волшебной старинны», рассказывала ему про былое, и онъ слушалъ ее, еще ребенкомъ, пріютаясь въ ея рабочей корзинѣ; либо его няня нашептывала ему

о мертвецахъ, о подвигахъ Бовы

(«Сонъ» 1816 г.).

И позже онъ любилъ ея сказки, просилъ, бывало, спѣть,

какъ спница
Тихо за моремъ жила,
какъ дѣвица
За водой поутру шла.

Онъ охотно прислушивается къ народному говору; въ Михайловскомъ собираетъ народныя пѣсни, записываетъ ихъ отъ старухи Ушаковой, записываетъ пѣсни о Степкѣ Разинѣ. Самъ онъ превосходно читалъ народныя пѣсни, пытался подражать имъ, проникался ихъ лирическою раздвоенностью:

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика,
То разгулье удалое,
То сердечная тоска.

Его пересказы изъ Мериме свидѣтельствуютъ, какъ прочно онъ овладѣлъ народно-поэтическимъ стилемъ; отъ его сказокъ въ стихахъ прямой переходъ къ Лермонтовскому «Купцу Калашникову». Оттуда обогащеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опрощеніе нашего художественнаго языка. «Ты довершишь водвореніе у насъ простой, естественной рѣчи, которой наша публика не по-

пимасть..., ты сведешь наконецъ поэзію съ ея ходуль», писалъ ему въ 1825 году его пріятель Н. Н. Раевскій. Проза Гоголя и С. Т. Аксакова вышла изъ повѣстей Пушкина, и въ то же время чтеніе Карамзина, лѣтописей, памятниковъ въ родѣ «Слова о Полку Игоревѣ» отозвалось на золоточеканномъ языкѣ «Бориса Годунова».

Таковы виѣшніе элементы народности, выразившіе въ поэзіи Пушкина тотъ духовный подъемъ, который характеризуетъ русское общество отъ половины 10-хъ до половины 20-хъ годовъ нашего столѣтія. Отечественная война, наша освободительная, рѣшающая роль въ европейскихъ событіяхъ, все это воспитало не только нашу національную гордость, но и наше самосознаніе, сознаніе силъ и недочетовъ и средствъ къ ихъ устраненію. Правительство снова вступаетъ на путь реформъ; просвѣтителыя идеи, переносившіяся къ намъ съ запада и уже давшія свои плоды въ идеалистическихъ теченіяхъ конца прошлаго вѣка, завоевываютъ себѣ болѣе широкіе круги и въ нихъ осѣдаютъ; на смѣну эстетическо-моральныхъ теорій самосовершенствованія является призывъ къ дѣятельности; военно-державный патріотизмъ оды уступаетъ мѣсто народно-общественному. Карамзинъ свелъ счеты съ нашимъ государственнымъ прошлымъ, Полевой пытается написать исторію «русскаго народа». Вопросъ объ устроеніи народнаго быта снова выступаетъ на очередь: всѣ толкуютъ объ освобожденіи крестьянъ.

Пушкинъ еще процвѣталъ въ садахъ Лицея, читалъ Парни и «сѣдого шалуна» Вольтера, призывалъ

сладкое бездѣлье

И легкокрылую любовь,

И легкокрылое похмѣлье

(1818 г. «Стансы Я. Н. Толстому»);

еще его муза

Какъ вакханочка рѣзвилась,

За чашей пѣла для гостей,

И молодежь минувшихъ дней

За нею буйно волочплась

(«Онѣгинъ» VIII, 3),

а поэтъ уже отрывался отъ нея для сладострастья

Высокихъ мыслей и стиховъ

(1818 г. «Жуковскому»).

И его молодого кружка коснулось крыло времени. Больной, онъ «съ жадностью и вниманіемъ» прочелъ первые восемь томовъ Карамзина; въ томъ же (1818) году онъ пишетъ Чаадаеву:

Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы.

Ему было двадцать лѣтъ, когда написана была его знаменитая «Деревня», послѣдніе стихи которой мы не устаемъ повторять:

О, еслибъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ вѣстійства грозный даръ?
Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря?

Это видѣніе «свободы просвѣщенной», программу времени, онъ унесетъ съ собою въ изгнаніе; онъ страстно ею охваченъ; «безплодный жаръ» — одинъ изъ источниковъ его душевныхъ тревогъ и недовольства собою, его русскаго байронизма. Программа обязывала своею серьезностью, не подѣлать тѣмъ обрывкамъ знаній и идей, которыя Пушкинъ вынесъ изъ Лицея и изъ вѣ-лицейскихъ образованныхъ кружковъ. Въ изгнаніи поэтъ помнитъ

бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры,

и теперь стремится на свободѣ вознаградить

Мятежной младости утраченные годы
И въ просвѣщеніи — стать съ вѣкомъ наравнѣ

(«Чаадаеву» 1821 г.).

Онъ лихорадочно читаетъ, бесѣдуетъ, затѣвая споры, чтобъ научиться изъ отвѣтовъ; жалуется изъ Михайловскаго князю Вяземскому: «Вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способовъ учиться, пока пора!» Такъ зрѣли въ душевной глубинѣ думы и требовали выхода, осуществленія. Но какъ ихъ осуществить — вотъ вопросъ. Отсюда тревожныя исканія свободы, независимости, затѣи ѣхать за границу, либо жажда борьбы, войны, сильныхъ ощущеній, лишь бы сбить накопившіяся силы, выйти изъ сонной колеи. Срывалось неосторожное слово; а извѣстно,

Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, или смѣшитъ,
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ

(«Онѣгинъ» VIII, 9).

«Этакой ты неуимчивый», говоривала ему няня. «Зачѣмъ же затягивать новый узелъ?», писалъ князь Вяземскій, — «попробуй плыть по водѣ, ты довольно боролся съ теченіемъ». А вдали Карамзинъ, заявлявшій себя республиканцемъ «по чувствамъ», покачивалъ головою надъ поэтомъ - «либералистомъ»: «Талантъ дѣйствительно прекрасный, жаль, что нѣтъ устройства и мира въ душѣ, а въ головѣ ни малѣйшаго благоразумія». Порой у поэта опускались руки:

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды,
Рукою чистой и безвинной
Въ поработенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя;
Но потерялъ я только время,
Благія мысли и труды

(1823 г.).

Но внутренняя, скрытая борьба продолжалась, энергія жизни сказывалась въ видимомъ упоеніи ею, въ показномъ весельѣ и блестящей остротѣ, когда внутри гнѣздились невеселыя мысли.

Перебой чувства, отъ грустнаго раздумья къ бодрящему оклику, типичны для поэзіи Пушкина; разница въ томъ, что въ началѣ бодрящій окликъ чаще перебивалъ печальное настроеніе духа.

Когда въ 1826 году Пушкинъ очутился на свободѣ, онъ многого не узналъ: такъ все перемѣнилось; прежнихъ товарищей не было, сочувственныхъ людей мало:

Насъ было много на кормѣ...

Въ тишииѣ,

На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный

Въ молчаніѣ правилъ грузный чолнъ;

А я, безпечной вѣры полнъ,

Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ

Измялъ съ налету вихорь шумный...

Погибъ и кормщикъ, и пловецъ,

Лишь я, таинственный пѣвецъ,

На берегъ выброшенъ грозою,

Я гимны прежніе пою

И ризу влажную мою

Сушу на солнцѣ подъ скалою

(«Аріонъ» 1827 г.).

Но таинственному пѣвцу не внимали даже тѣ, кому бы вѣдать надлежало. По прежнему онъ толковалъ, хотя поторожно, о необходимости «свободы просвѣщенной», какъ единственномъ средствѣ удержать отъ новыхъ безумствъ и новыхъ общественныхъ бѣдствій («Записка о народномъ воспитаніи» 1826 г.), о губительномъ позорѣ невѣжества; ему говорили, что просвѣщеніе можетъ быть и неопытно, и безнравственно, и бесполезно, а нравственность состоятъ въ усердіи и прилежномъ служеніи, что

просвѣщенія плодъ —

Развратъ и нѣкій духъ мятежный

(«Друзьямъ» 1828 г.).

Настали другія времена съ тѣхъ поръ, какъ

Игралица таинственной судьбы,

Метался смущенные народы,

И высились, и падали цари,
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

.....
Всему чужой, угасъ Наполеонъ,
И новый царь, стражъ бодрый и могучій,
На рубежѣ Европы сталъ

(«19 октября 1836 г.»).

Онъ почтилъ вдохновеніе поэта, «освободилъ» его мысль, — и «Богомъ избранный», по уже умудренный пѣвецъ мечтаетъ, что и въ новой долѣ, подъ сѣнью трона, онъ будетъ жечь глаголомъ сердца людей («Пророкъ» 1827 г.), будетъ пѣть старыя пѣсни, отвѣчая тому высокому идеалу, который онъ старался воплотить въ себѣ: идеалу поэта, писателя-гражданина, слуги русскаго народа, какъ вслѣдъ за Пушкинымъ понималъ свое призваніе и Гоголь. Этотъ идеалъ Пушкинъ отыскивалъ и въ прошломъ нашей литературы. «Наша словесность, уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ передъ ними отличается, что не носитъ на себѣ печати рабскаго униженія», писалъ онъ Ал. Бестужеву. — «Наши таланты благородны, независимы». Онъ не отрицалъ значеніе «ободренія»: «Вѣкъ Екатерины — вѣкъ ободренія; отъ этого онъ еще не хуже другого. Карамзинъ, кажется, ободренъ, Жуковский не можетъ жаловаться, Крыловъ — также.... Изъ не ободренныхъ вижу только себя и Боратынскаго — и не говорю: Слава Богу!» (письма изъ Михайловскаго 1825 г.: 21 марта и конца апрѣля). Друзья отвѣчали, что онъ смѣшиваетъ ободреніе съ покровительствомъ, отъ котораго геній чахнетъ; дѣло хорошаго правительства лишь въ томъ, чтобъ не стѣснять его, — пусть на свободѣ онъ производитъ все, что внушитъ ему вдохновеніе. Ему не надо ни пенсій, ни орденовъ; безъ денегъ, то-есть, безъ пропитанія, онъ не останется, да онъ и не многого требуетъ въ жизни; потерпѣть, быть можетъ, одни самозванцы-геніи (письмо Рылѣева).

Таково было предупрежденіе; раздались и укоры: Пушкинъ

«упалъ» (Мельгуновъ 1831 г.), онъ «въ милости», и отъ него не ждутъ успѣховъ въ будущемъ (Вульфъ 1833 г.). Поэтъ отвѣчалъ «Друзьямъ» горделиво (1828 г.):

Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю....
Я льстецъ? Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:
Онъ горе на царя накличетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничить.

Тѣмъ менѣе было пониманія въ публикѣ, отстававшей отъ поэта по мѣрѣ того, какъ онъ становился зрѣлѣе (Пушкинъ о Боратынскомъ, Мельгуновъ о Пушкинѣ), въ руководящихъ и литературныхъ кружкахъ, настроенныхъ охранительно, въ тѣхъ салонахъ, гдѣ Пушкину вольно и невольно приходилось вращаться

Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ, ...
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ модныхъ сценъ,
Ученыхъ, ласковыхъ измѣнъ.
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Разсчетовъ, думъ и разговоровъ.

Тогда онъ звалъ къ себѣ «младое вдохновенье»:

Въ мой уголъ чаще прилетай,
Не дай остыть душѣ поэта.
Ожесточиться, очерствѣть
И наконецъ окаменѣть
Въ мертвящемъ упоеньѣ свѣта

(«Онѣгинъ» VI, 46—7).

Въ такомъ настроеніи написана была «Чернь» (1830 г.). Пушкинъ старается уйти въ себя: ты царь, говоритъ онъ поэту,

Живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ
(«Поэту» 1830 г.).

Но дорога не свободна; напрасно онъ увѣряетъ себя, что рожденъ «для мечтаній неземного сна» (Отрывокъ 1821 г.), «не для житейскаго волненья», «не для битвъ», а «для вдохновенья, для сладкихъ звуковъ и молитвъ» («Чернь» 1828 г.), «для жизни мирной, Для деревенской тишины» («Опѣгнѣ» I, 55; слич. Отрывокъ 1829 г.: «Еще одной высокой важной пѣсни»; «Изъ Пиндемонте» 1835 г.). Онъ не былъ способенъ, какъ Жуковский, до 60-ти лѣтъ смотрѣть «изъ своей люльки на все окружавшее его, сквозь сонъ поэтическій»: въ немъ слишкомъ сильна была боевая жилка, онъ жаждалъ дѣятельной борьбы, — теперь она стала страдательною: онъ хочетъ жить, «чтобъ мыслить и страдать» («Безумныхъ лѣтъ...» 1830 г.) среди старыхъ и новыхъ противорѣчій, тѣмъ глубже тревожившихъ сознаніе, чѣмъ невозможнѣе казалось примиреніе противорѣчій «правды пылкой» и «холода приличій» («Чаадаеву» 1821 г.), заботъ суетнаго свѣта и божественнаго глагола («Поэтъ» 1827 г.), порывовъ къ независимости и неожиданныхъ преимуществъ троякой цензуры и негласнаго надзора, жизнерадостной бодрости и неотвязной думы, «битвъ» и «молитвъ», Галуба и Тазита (1829 г.). Все это переживалось одиноко; извѣстна самозаклученность Пушкина, стыдившагося показывать свое чувство, любившаго маскировать его, рѣдко отдававшася другимъ, пока въ немъ шла работа испытующей и творческой мысли; теперь было о чемъ подумать въ уединеніи: живи одинъ, но «путь унылъ».

Въ натурахъ, полныхъ силъ, сознанія, что они на что-то рождены, полныхъ энергіи желаній при слабой энергіи воли, которой обстоятельства не идутъ на встрѣчу, мысль о ранней смерти, пока онѣ еще не успѣютъ провести въ жизни своей борозды, зарождается рано. Пушкина она провожала въ теченіе всей жизни; онъ вживается въ нее суевѣрно, юношески-элегически:

Я видѣлъ смерть: она сидѣла
У тихаго порога моего

(«Подражаніе» 1816 г.);

затѣмъ элегически-сознательно:

И все умереть со мной: надежды юныхъ дней,
Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье
И мыслей творческихъ напрасное волненье

(«Война» 1821 г.).

Онъ привыкъ угадывать «грядущей смерти годовщину» («Стансы» 1829).

Въ предсмертной тетради Пушкина нашелся набросокъ: какой-то старецъ въ бѣлой ризѣ предсталъ ему въ сновидѣніи, благословилъ и успокоилъ: вскорѣ ты удостоишься царствія небеснаго:

Скоро странствію земному
Твоему придетъ конецъ,
Ужъ готовитъ ангелъ смерти
Для тебя святой вѣнецъ....
Отрѣши воловъ отъ плуга
На послѣдней бороздѣ.

Борозду провела смерть, неожиданно, насильно; извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ. Она всѣхъ поразила, всѣхъ безъ различія соединила въ общемъ горѣ, какъ бы въ сознаніи общественной вины. Не волновались лишь представители обезвреженного просвѣщенія, для которыхъ «писать стихи» не означало еще «проходить великое поприще». Ихъ голоса потерялись въ сѣтованіи русскихъ людей о русскомъ поэтѣ.

На такой-то почвѣ зрѣлъ художественный пафосъ его мысли, личной и общественной, пафосъ любви и печали, но и энергій желаній. Все это складывалось не въ строгую, общественно-философскую, послѣдовательную въ жизни систему: синтезомъ Пушкина, прирожденною формой его мышленія, была поэзія.

«Поэзія бываетъ исключительной страстью немногихъ, родившихся поэтами», выразился онъ однажды. — «Она объемлетъ и поглощаетъ всё наблюденія, всё усилія, всё впечатлѣнія жизни». Самъ онъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ, которые, призванные къ жертвѣ Аполлону, умѣютъ отвлечь отъ дѣйствительности ея жизненное содержаніе и явить его въ формахъ красоты, — дѣйствительности во всемъ разнообразіи ея явленій: Байронъ перевоплощалъ самъ себя въ своихъ герояхъ; у Пушкина поэтическія симпатіи шире, — педаромъ современники прозвали его Протеемъ: у него на все родится откликъ и отвѣтъ («Эхо» 1830 г.). Касалось ли дѣло жизни сердца, или мимолетнаго увлеченія, всюду онъ находилъ общечеловѣческіе моменты и переживалъ и заставляетъ насъ переживать «Чудное мгновеніе» (1825 г.). И въ оцѣнкѣ общественныхъ и историческихъ явленій ему случалось увлекаться мечтами поэта, идеализуя то, что осудилъ проклятый «справды свѣтъ», судъ исторіи, когда, на примѣръ, величая Наполеона, онъ открывалъ въ «героѣ» сердце:

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ

(«Герой» 1830 г.) —

возвышающій обманъ идеала; не безразличіе оппортунизма, а исканіе человѣчности въ царствѣ силы; не капризъ поэта, а иллюзія человѣка, честно и серьезно работавшаго надъ вопросами личнаго и общественнаго блага. Это и даетъ тонъ его творчеству. Когда Пушкину приходилось говорить о поэзіи, онъ открывалъ новыя краски въ образахъ, старыхъ, какъ греческіе боги. И у него была своя муза: когда-то веселая старушка, въ шушунѣ, напѣвавшая ему колыбельныя пѣсни («Наперсница волшебной старины» 1821 г.), затѣмъ красавица, являвшаяся ему въ садахъ Лицея «весной при клнкахъ лебединыхъ», «въ глуши Молдавіи печальной» и на великосвѣтскомъ раутѣ («Онѣгинъ» VIII). Либо какой-то демонъ леталъ за нимъ повсюду, нашептывая дивныя звуки; говорится и о «пробужденіи поэзіи» («Осень» 1830 г.),

о «быстромъ холодѣ вдохновенья» («Жуковскому» 1818 г.), о вдохновеніи, какъ признакъ Бога («Разговоръ поэта съ книгопродавцемъ» 1824 г.). Но когда Пушкинъ пытался уяснить самому себѣ сущность поэтического процесса, онъ отвлекался отъ образовъ и опредѣленій, навѣянныхъ преданіемъ, и подсказывалъ словамъ новый смыслъ, требуя отъ поэта работы мысли, волненія думъ, «одушевленного труда и слезъ вдохновенья» («Дельвигу» 1817 г.).

....Мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышлений....
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ
(«Чаадаеву» 1821 г.);

Я зналъ и трудъ, и вдохновенье,
И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
Уединенное волненье.

«Безъ постоянного труда нѣтъ истинно великаго», записано въ одной замѣткѣ о разныхъ родахъ поэзіи. «Борисъ Годуновъ» — «плодъ добросовѣстныхъ изученій, постоянного труда», говорить поэтъ о своей трагедіи; — «она доставила мнѣ все, чѣмъ писателю наслаждаться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ успія». Вдохновеніе въ союзѣ съ трудомъ.

Пушкинъ — поэтъ по манію небесъ; въ этомъ смыслѣ его поэзія — памятникъ нерукотворный; но есть въ ней и другая, такъ сказать, рукотворная сторона: не только работа взыскательнаго художника надъ формой, но и неустанная работа мысли, увлекавшей общественными интересами и возвышающимъ насъ обманомъ. Не даромъ онъ съ молодости гордился, что

не унижилъ вѣкъъ пзмѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной
(«Овидію» 1823 г.).

Это не поэзія для поэзіи, а поэзія какъ проповѣдь «добрыхъ чувствъ» («Памятникъ» 1836 г.), какъ служеніе идеалу, что и дѣлаетъ ее общественною силой. Вотъ что проторило тропу, по ко-

торой будутъ ходить поколѣпія. Судьба не дала поэту досказаться:

Какъ пѣкшіи херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ,
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть

(«Моцартъ и Сальери»).

Но его пѣснѣи отозвалась въ живомъ наслѣдіи русской поэзіи. При жизни онъ такъ сердечно радовался всякой новой силѣ, ставовившейся рядомъ съ нимъ и ему на смѣну, и теперь привѣтствовалъ бы свое молодое поколѣніе, какъ усталый путникъ, послѣ долгихъ лѣтъ посѣтившій родной уголокъ. Еще стояли тогда старыя сосны, онъ еще слышалъ ихъ знакомый шорохъ, но вокругъ нихъ уже разрослась молодая роща, зеленая семья:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое. Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полный,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракъ ночи
И обо мнѣ вспоманетъ!

Помянемъ же и мы Пушкина и его «возвышающій обманъ»,
плюзію свѣта, бодрившую его во мракъ ночи.

Послѣ А. Н. Веселовскаго почетный членъ Академіи
Наукъ сенаторъ А. О. Коннѣ сказалъ рѣчь на тему:

Общественные взгляды А. С. Пушкина.

Поэтъ съ многогранною душою, Пушкинъ былъ не только гениальною личностью, но и великимъ явленіемъ жизни русской. Въ признаніи именно такого его значенія сходятся между собою, съ различныхъ точекъ зрѣнія, Гоголь, Бѣлинскій и Достоевскій. Но великія явленія какъ въ области нравственной природы, такъ и въ области природы физической имѣютъ одно общее сходство: про нихъ никогда нельзя сказать, что они изучены окончательно. Ихъ глубокое значеніе, ихъ сила и воздѣйствіе на окружающее никогда не раскрываются вдругъ и сразу. Поэтому и Пушкинъ — несравненный выразитель коренныхъ началъ народнаго духа, могучій и вдохновенный кователь родного языка, мыслитель и пѣвецъ, историкъ и гражданинъ — представляетъ неисчерпаемый матеріалъ для изученія. Въ его духовной природѣ, по мѣрѣ созрѣванія и расширенія русской мысли, по мѣрѣ болѣе близкаго знакомства со всѣмъ, что къ нему относится, открываются все новыя горизонты. Этимъ онъ походитъ на своего любимаго историческаго героя, на великаго Петра. Съ него начинается у насъ литература въ ея настоящемъ значеніи — выразительницы свойствъ и потребностей общества и провозвѣстницы его упованій —, и какую бы сторону ея ни изслѣдовать, приходится почти всегда придти къ Пушкину. Ему ничто не было чуждо: его трезвый, проникновенный и чуждый исключительности умъ, вооруженный гениальною силой выраженія, отзывался на всѣ проявленія и вопросы окружающей жизни и сыпалъ искры при каждомъ ея прикосновеніи, а его глубокая любовь къ родинѣ, исполненная чувства, но чуждая чувствительности, заставляла его вникать во всѣ условія ея быта и исторіи. Полонскій справедливо сказалъ о немъ: «Этотъ гений все любившій, все въ самомъ себѣ вмѣстившій». Поэтому, оставляя въ сторонѣ поучительные вопросы о свойствахъ творчества Пушкина, о его безсмертныхъ заслугахъ для русскаго

языка и словесности, о его художественномъ «сгедо», можно остановиться на его нравственныхъ и правовыхъ взглядахъ и, пользуясь его сочиненіями, письмами, замѣтками, а также воспоминаніями о немъ Смирновой, князя Вяземскаго и др., попробовать взглянуть въ его отношеніе къ одной изъ важнѣйшихъ сторонъ жизни общественной.

Пушкинъ былъ исполненъ чувства и исканія правды. Но правда проявляется въ искренности въ *отношеніяхъ* къ людямъ, въ *справедливости* въ дѣйствіяхъ съ ними. Тамъ, гдѣ идетъ дѣло объ отношеніи цѣлаго общества къ своимъ сочленамъ, объ ограниченіи ихъ личной свободы во имя общаго блага и о защитѣ правъ отдѣльныхъ лицъ, эта справедливость должна находить себѣ выраженіе въ *законодательствѣ*, которое тѣмъ выше, чѣмъ глубже оно всматривается въ жизненную правду людскихъ потребностей и возможностей, и въ *правосудіи*, осуществляемомъ судомъ, который тѣмъ выше, чѣмъ больше въ немъ живого, а не формальнаго отношенія къ личности человека. Вотъ почему — *justitia fundamentum regnorum*. Но право и нравственность не суть чуждые или противоположныя одно другому понятія. Въ сущности — источникъ у нихъ общій, и существенная ихъ разность должна состоять главнымъ образомъ въ принудительной обязательности права въ сравненіи со свободною осуществимостью нравственности. Отсюда связь правовыхъ воззрѣній съ нравственными идеалами. Чѣмъ она тѣснѣй, тѣмъ больше обезпечено разумное развитіе общества. Право имѣетъ, однако, свой писанный кодексъ, гдѣ указано, что *можно* и чего *нельзя*. У нравственности такого кодекса нѣтъ, и, отыскивая, что *надо* дѣлать въ томъ или другомъ случаѣ, человеку приходится вопрошать свою совѣсть. Но внутренній голосъ, называемый совѣстью, истекаетъ изъ началъ, у большинства людей неразрывно связанныхъ съ вѣрою, съ религіознымъ ихъ строемъ. Въ этомъ голосѣ имъ слышится отголосокъ воли высшаго существа, сознаніе связи съ которымъ и ответственности предъ которымъ такъ возвышаетъ и укрѣпляетъ душу мно-

гихъ въ минуты житейскаго смятенія. Нравственныя начала, черпая свои силы въ религіи, проникають съ разныхъ сторонъ въ область права. Поэтому, говоря о правовыхъ воззрѣніяхъ Пушкина, трудно избѣжать необходимости ознакомиться съ его нравственными воззрѣніями и его отношеніемъ къ вопросамъ вѣры.

Недальповидные читатели юношескихъ произведеній Пушкина, писанныхъ «въ часы забавъ или праздной скуки», въ которыхъ, по его собственнымъ словамъ, «шѣлся порочныя забавы и славилась сѣти сладострастья», создали ему довольно прочно утвердившуюся репутацію не только эротическаго поэта, но и язвительнаго отрицателя вѣры. Имъ помогли въ этомъ нѣкоторые высокодобродѣтельные друзья молодого поэта, чей «предательскій привѣтъ» преслѣдовалъ его за гробомъ, въ забвеніи его словъ, что «судить взрослого человѣка за вину юноши есть дѣло ужасное». Одинъ изъ нихъ, чью умѣренность и аккуратность, при воспоминаніяхъ объ угасшемъ уже поэтѣ, неприятно поражало отсутствіе у него не только «ровной систематической бесѣды», но даже и «порядочнаго фрака» провозгласилъ, что Пушкинъ не имѣлъ «ни *оувиней*, ни *оутренней* религіи и смѣялся надъ всѣми отношеніями». Но въ этомъ представленіи о Пушкинѣ и въ вытекающихъ изъ него непродуманныхъ или лицемерныхъ упрекахъ — нѣтъ правды. Необходимо глубже всмотрѣться въ эту сторону личности Пушкина и судить человѣка и писателя не по случайнымъ проявленіямъ, а по кореннымъ свойствамъ его природы. Безпорядочное домашнее воспитаніе въ довольно безалаберной семьѣ дало отроку раннюю возможность отравиться дурманомъ фривольныхъ произведеній французской литературы XVIII вѣка. Отголоскомъ этого было появленіе трехъ-четырехъ подражательныхъ произведеній. Все остальное въ этомъ легкомысленномъ родѣ живо и безъ всякой критики писалось въ пасивъ поэзіи Пушкина. Да и эти немногія произведенія мучили его совѣсть, заставляли краснѣть за себя, негодуя «на *грѣшный* свой языкъ — и празднословный и лукавый», и сжигать попадавшіеся ему ихъ рукописные списки.

Какъ всякая сильная натура, онъ не могъ не пройти періода *скитанія мысли*, прежде чѣмъ остановиться на болѣе или менѣе прочномъ міросозерцаніи. Написанное Пушкинымъ восемнадцатилѣтъ отъ роду «Безвѣріе» содержитъ въ себѣ явные указанія тѣхъ мучительныхъ сомнѣній, которыя переживалъ онъ въ это время. Всѣ симпатіи его уже на сторонѣ вѣры; онъ желалъ бы, «забывъ о разумѣ и немощномъ, и строгомъ, съ одной лишь вѣрою повергнуться предъ Богомъ», но, самъ еще не вѣруя вполне и колеблясь, онъ уже понимаетъ, что не слово осужденія, а слово состраданія надо обращать къ «слѣпому мудрецу», въ которомъ «умъ ищетъ божества, а сердце не находитъ»... При томъ человѣкъ съ прозаическою натурой легче и скорѣе становится законченнымъ, цѣлымъ, чѣмъ имѣющій задатки геніальности. Истинное религіозное чувство есть прежде всего результатъ личныхъ житейскихъ испытаній. Только выдержавъ и переживъ ихъ, оно можетъ считаться прочнымъ. Переломъ боровшихся сомнѣній въ сторону вѣры совершился у Пушкина на двадцать второмъ году жизни. Съ «измученной души его» исчезли заблужденія, подобно тому, какъ «краски чуждыя, съ лѣтами, спадаютъ ветхой чешуей». Съ этого времени мы видимъ у него уже вполне сложившійся взглядъ, которому онъ остался вѣренъ до конца. Въ душѣ его блеститъ немеркнущимъ свѣтомъ не только вѣра въ Высшій Разумъ, управляющій всею вселенною, но и, употребляя выраженіе Лермонтова, «вѣра гордая въ людей и въ жизнь пную», то-есть, въ возвышенныя стороны челоѣческаго духа и въ его безсмертіе. «Чистый атеизмъ», указаніе на уроки котораго въ перехваченномъ письмѣ сопровождался для него тяжелою и рѣшительною карою, никогда не овладѣвалъ имъ: онъ претилъ его уму и сердцу. «Ты—*сердцу* непонятный мракъ, пріютъ отчаянья слѣпому, *ничтожество*, пустой призракъ, не жажду твоего покровя» — восклицаетъ онъ, прибавляя: «ты чуждо мысли челоѣка, тебя страшился гордый *умъ*». Онъ говорилъ Хомякову, что вопросы вѣры *превосходятъ* разумъ, но не *противорѣчатъ* ему, и много думалъ

о нихъ. «Я нашелъ Бога въ своей совѣсти и въ природѣ, которая говорила мнѣ о Немъ», объяснялъ онъ А. И. Тургеневу, сходясь въ этомъ съ Кантомъ, котораго, конечно, не читалъ, когда въ садахъ Лицея «читалъ охотно Апулея». Если человѣкъ нападаетъ на идею о Богѣ и находитъ Его въ душѣ своей — значитъ Онъ существуетъ, — развивалъ онъ свой взглядъ въ беседахъ у Смирновой; нельзя найти то, чего нѣтъ, и самая сильная фантазія отправляется все таки отъ существующихъ формъ. Поэтому онъ подсмѣивался надъ упорными успіями обширной аргументаціи отрицателей существованія Бога: «Къ чему такія старанія, если Его дѣйствительно нѣтъ?» спрашивалъ онъ.

Къ Библіи и къ Евангелію Пушкинъ относился съ величайшимъ интересомъ. Онъ увлекался ими и глубоко вдумывался въ ихъ содержаніе. Рекомендую сыну своего друга Вяземскаго пристально и постоянно читать книги Священнаго Писанія, Пушкинъ называлъ ихъ «ключомъ живой воды». Въ разговорахъ съ Барантомъ, восторженно отзываясь о Библіи и въ особенности о Евангеліи, онъ, по поводу стремленій подвести смыслъ святой и вѣчной книги подъ мѣрило временныхъ человѣческихъ различій и направленій, сказалъ: «Мы всѣ несемъ бремя нашей жизни, иго нашей человѣчности, столь подверженной заблужденію — и это иго уравниваетъ все; Христосъ велитъ взять Его иго и бремя, которое поможетъ намъ донести наше собственное до конца, если мы будемъ помогать ближнему поднять и нести иго, подъ которымъ онъ изнемогаетъ. Здѣсь нѣтъ мѣста ни для аристократіи, ни для демократіи. Весь законъ въ нѣсколькихъ словахъ. Здѣсь только одна, единственная великая сила — Любовь!». Такимъ образомъ, онъ былъ не только вѣрующимъ, но и христіаниномъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Религіозность его проявлялась не только въ удивительныхъ по формѣ и силѣ отдѣльных стихахъ и цѣлыхъ произведенійхъ, какъ, напримѣръ, переложеніе молитвы св. Ефрема Сиріина («Отцы-пустынники и жены непорочны»), не только въ воплощеніи могучей вѣры Кочубея, не поколебленной и его горькимъ концомъ, но и въ фор-

махъ, освященныхъ народнымъ чувствомъ. Въ тоскѣ своего принудительнаго уединенія въ Михайловскомъ онъ вызывалъ предъ умственнымъ взоромъ образы тѣхъ, кого Господь надѣлилъ высокимъ даромъ и возвысилъ душою надъ людьми. Онъ молился о нихъ и служилъ панихиды о рабахъ Божіихъ Петрѣ и Георгіѣ. Этотъ Петръ былъ тотъ «вѣчный работникъ на тронѣ», котораго онъ воспѣлъ съ такою силой, понялъ съ такою любовью; этотъ Георгій былъ «властитель думъ» — лордъ Байронъ.

Пушкинъ придавалъ огромное значеніе христіанству. Онъ считалъ его появленіе великимъ духовнымъ и политическимъ переворотомъ нашей планеты. Въ этой священной стихіи, говорилъ онъ, исчезъ и обновился міръ, — древняя исторія кончилась съ ея появленіемъ. Исторія вѣшняго выраженія христіанства — церкви, ея положеніе и задачи очень интересовали Пушкина. Онъ высказывалъ весьма оригинальные взгляды на дѣятельность Екатерины, осуждая ее за явное гоненіе духовенства, повлекшее за собою униженіе его. Властолюбиво угрожая духу времени, лишивъ духовенство независимаго состоянія и ограничивъ монастырскіе доходы, она нанесла, по его мнѣнію, ударъ народному просвѣщенію, ибо исторію, а слѣдовательно и просвѣщеніе, намъ сохранили монахи. Признавая одною изъ важнѣйшихъ задачъ церкви проповѣдь ученія Христова, Пушкинъ видѣлъ въ послѣдней и одно изъ средствъ умиротворенія завоевываемаго нами въ то время Кавказа. Говоря, въ своемъ «Путешествіи въ Арзрумъ», объ укрощеніи несправости къ намъ черкесовъ — посредствомъ ихъ обезоруженія или привитія къ нимъ роскоши — онъ замѣчаетъ, что есть, однако, средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка — проповѣданіе Евангелія, о чемъ Россія до половины тридцатыхъ годовъ и не подумала. Онъ ставитъ очень высоко миссіонерство. «Надо препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ» восклицаетъ онъ и рисуетъ примѣры святыхъ старцевъ, мужей вѣры и смиренія, скитающихся по пустынямъ въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленныхъ теп-

лымъ усердіемъ. «Какая награда ожидаетъ ихъ?» спрашиваетъ онъ: «обращеніе престарѣлаго рыбака, или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть». «Кажется», заключаетъ онъ, «для нашей холодной лѣности легче, въ замѣнъ живого слова, выливать мертвыя буквы и посылать пѣмъ книги людямъ, не знающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ, по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ». Придавая высокое значеніе миссіонерству, Пушкинъ не скрывалъ, однако, отъ себя, во что на практикѣ можетъ выродиться миссіонерство, идущее съ проповѣдью христіанства, но безъ христіанскаго духа любви и терпѣнія. «Терпимость вещь очень хорошая», писалъ онъ, «но развѣ апостольство съ ней несовмѣстно?». Указывая на необходимость идти съ *миромъ*, онъ клеймилъ мрачный образъ своеобразно-знаменитаго Юрьевского архимандрита Фотія за то, что ему служили «орудіемъ духовнымъ — проклятье, мечъ, и крестъ, и плуть...» Въ своихъ чудныхъ подражаніяхъ корану онъ говоритъ: «спокойно возвѣщай коранъ, не понуждая печестивыхъ»...

Сознательная вѣра — а таковая несомнѣнно жила въ душѣ Пушкина — проникаетъ невидимо существо чловѣка и отражается на отношеніяхъ его къ людямъ. Она, по глубокой мысли Хомякова, является и однимъ изъ высшихъ общественныхъ началъ, ибо само общество есть ничто иное, какъ видимое проявленіе нашихъ внутреннихъ отношеній къ другимъ людямъ и нашего союза съ ними. Поэтому вѣрованія Пушкина и его взглядъ на смыслъ евангельскаго ученія должны были неминуемо выразиться въ отношеніяхъ его къ людямъ и въ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ нимъ и къ самому себѣ. Въ душѣ его не было мѣста не только для грубаго себялюбія, приносящаго по мѣрѣ силъ въ жертву своимъ вождѣленіямъ все, что возможно, не брезгая никакимъ результатомъ, но и для болѣе утопченнаго эгоизма, создающаго привычку всегда и при всякихъ впечатлѣніяхъ прежде всего думать исключи-

тельно о самомъ себѣ. Тургеневъ, въ своихъ «Стихотвореніяхъ въ прозѣ», оставилъ намъ образъ эгоиста, вооруженнаго самодовольствомъ легко доставшейся добродѣтели, которая «хуже откровеннаго безобразія игрока». Отталкивающія черты этого образа вѣютъ такимъ холодомъ, что убиваютъ возможность насмѣшки. Создавая его, художникъ слѣдовалъ мысли своего великаго учителя Пушкина, который характеризовалъ эгоизмъ, какъ явленіе, часто *отвратительное*, по отношенію не *смѣшное*, ибо онъ «отмѣнно благоразуменъ». Это послѣднее свойство требуетъ извѣстной сдержанности и самообладанія. Когда ихъ нѣтъ — эгоизмъ утрачиваетъ свою неуязвимость для смѣха. «Есть люди», говоритъ Пушкинъ, «которые любятъ себя съ такою нѣжностью, удивляются своему гению съ такимъ восторгомъ, думаютъ о своемъ благосостояніи съ такимъ умиленіемъ, о своихъ неувольствіяхъ съ такимъ состраданіемъ, что въ нихъ и эгоизмъ имѣетъ всю смѣшную сторону энтузіазма и чувствительности». Проповѣдь благороднаго альтруизма и нравственной обязательности въ отношеніяхъ съ окружающими думать о «другихъ», о ихъ страданіяхъ и человѣческомъ достоинствѣ, внятно и опредѣленно слышится въ произведеніяхъ Пушкина, возмущеннаго высокомернымъ взглядомъ на людей, которыхъ «мы почитаемъ лишь нулями, а единицами — себя». Жестокосердное «*seid hart!*» Заратустры не нашло бы отклика въ поэтѣ, исполненномъ восхищенія предъ свершоннымъ долгомъ, предъ подвигомъ, предъ забвеніемъ себя ради другихъ. Сурово относясь къ Наполеону и примиренный съ нимъ лишь смертью, Пушкинъ, тѣмъ не менѣе, съ восторгомъ говоритъ о немъ, когда тотъ, чтобъ оживить угасшій взоръ и родить бодрость въ погибающемъ умѣ, «играетъ жизнью своею предъ сумрачнымъ недугомъ и хладно руку жметъ чумѣ». Въ противоположеніи долга эгоизму состоитъ и смыслъ заключительныхъ строкъ знаменитой его поэмы, гдѣ долгъ олицетворенъ глубокою внутреннею жертвою Татьяны, называемой Пушкинымъ своимъ «вѣрнымъ идеаломъ», а представителемъ эгоизма является Онѣгинъ «съ его безнравственной душой, себя-

любивою, сухой, съ его озлобленнымъ умомъ, кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ».

Этотъ взглядъ на отношеніе къ людямъ отражается на всей личности Пушкина. Она дышетъ добротою пдѣятельною любовью. Голосъ «кроткой жалости» слышится не только на страницахъ его произведеній, но и въ порывахъ его сердца, дѣлающихъ его вѣчнымъ заступникомъ за нуждающихся, за несчастныхъ. Гоголь оцѣнилъ въ немъ эту черту и рассказываетъ, что Пушкинъ искалъ случаевъ быть кому-либо полезнымъ и пользовался каждою минутою благоволенія къ себѣ императора Николая, чтобы заикнуться — и никогда о себѣ, а всегда о другомъ, несчастномъ, упавшемъ. Онъ самъ, однако, бывалъ несчастенъ и часто нуждался въ облегченіи своихъ житейскихъ и духовныхъ узъ. Намекъ на свое положеніе былъ бы естественъ и понятенъ, но Пушкинъ хватался за указываемые Гоголемъ благопріятные случаи исключительно съ мыслью о *другихъ*, какъ бы тяжело и оскорбительно ни жилось въ это время ему самому. «Какъ весь оживлялся и вспыхивалъ онъ», пишетъ Гоголь Жуковскому, — «когда дѣло шло къ тому, чтобы облегчить участь какого-либо изгнанника или подать руку падшему».

Можно привести множество примѣровъ его доброжелательныхъ хлопотъ и въ случаяхъ менѣе важныхъ. Такъ, напри-
мѣръ, вынужденный принести повинную въ томъ, что былъ на балу французскаго посольства не въ мундирѣ, а во фракѣ, онъ заставляетъ умолкнуть свое законное самолюбіе, надмѣнно уязвляемое Бенкендорфомъ, чтобы, при этомъ случаѣ, стать просителемъ и ходатайствовать предъ «своимъ Катономъ» о пенсіи для вдовы генерала Раевского; такъ, онъ проситъ Бенкендорфа о дозволеніи занятій въ государственныхъ архивахъ Погодину, не оберегая завистливо и жадно доступа къ открытымъ ему одному историческимъ сокровищамъ, какъ сдѣлали бы многіе на его мѣстѣ. Онъ хлопочетъ предъ Академіею Наукъ объ изданіи, въ пользу семейства убитаго писателя Шишкова, сочиненій послѣдняго; пишетъ князю Вяземскому, прося его *пожарче* похло-

потать о денежномъ пособіи молодому ученому и поручаетъ брату Льву, самъ находясь въ принудительномъ уединеніи села Михайловскаго и въ крайне стѣсненномъ денежномъ положеніи, подписаться на нѣсколько экземпляровъ издаваемого по подпискѣ *слабымъ священникомъ* перевода книги Іисуса сына Сирахова... Когда Нева, «какъ звѣрь остервенясь, на городъ кинулась», и «вспылъ Петрополь, какъ тритонъ, по поясъ въ воду погруженный», — Пушкинъ пишетъ брату: «Этотъ потопъ съ ума у меня пойдетъ. Онъ вовсе не забавенъ. Если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай изъ *Онтинскихъ* денегъ, но прошу — безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго».

Строгий и пелиценріятный литературный цѣнитель и судья, требовавшій отъ писателя серьезнаго и вдумчиваго отношенія къ предмету своего творчества, Пушкинъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, чуждъ мелочнаго чувства ревности къ успѣху собратьевъ по перу и недоброжелательнаго къ нему отношенія. «Умѣя презирать, умѣлъ онъ ненавидѣть», но *завидовать* — не умѣлъ. Достаточно указать на его отношенія къ Мицкевичу, на то, съ какою искреннею радостью привѣтствовалъ онъ произведенія Боратынскаго, какъ горячо защищалъ ихъ отъ равнодушія и нападокъ рутинной критики, въ теплыхъ выраженіяхъ отводя автору одно изъ первыхъ мѣстъ въ современной ему литературѣ, на ряду съ Жуковскимъ и выше Батюшкова. «Свои права передаю тебѣ съ поклономъ, чтобъ на *волшебные напитки* переложилъ ты страстной дѣвы инноплеменные слова», провозглашаетъ онъ, обращаясь къ «первому русскому элегическому поэту», чей каждый стихъ «звучитъ и блещетъ, какъ червонецъ», и болѣе котораго никто не «имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ». Даже и по отношенію къ людямъ, которыхъ онъ имѣлъ основанія не считать своими сторонниками, умѣлъ онъ относиться справедливо. Достаточно указать на благородную защиту имъ въ 1830 году Полевого противъ «непростительнаго отношенія» къ нему Погодина и «изступленной брани» Каченовскаго по поводу «Исторіи русскаго народа».

Пушкинъ придавалъ особое значеніе дружбѣ, понималъ ее серьезно и вѣрилъ ей искренно. Онъ отличалъ эту, по выраженію Шербиолье, «любовь безъ крыльевъ» отъ тѣхъ отношеній, которыя возникаютъ въ «легкомъ пылу похмѣлья», среди обмѣна тщеславія и бездѣлья и, прикрываясь названіемъ дружбы, выражаются лишь въ фамиллярности, безцеремонномъ залѣзаніи въ чужую душу или въ «позорѣ покровительства». Та дружба, представленіе о которой разсыпано во множествѣ его произведеній, есть стойкое, неизмѣнное, самоотверженное чувство, «недремлющей рукою» поддерживающее друга «въ минуту гибели надъ бездною потаенной», оживляющее его душу «совѣтомъ плъ укоромъ», врачующее его раны и способное разбить «сосудъ клеветника презрѣнный». Этому представленію былъ онъ вѣренъ и въ жизни. Достаточно указать на его трогательныя обращенія къ Чаадаеву, къ Пущину. Проявленія дружеской пріязни его глубоко трогали и оставляли неизгладимый слѣдъ въ его душѣ. «Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный», пишетъ онъ въ Сибирь благороднѣйшему И. И. Пущину, посѣтившему «его пріютъ опальный» въ Михайловскомъ; «какъ жаль, что нѣтъ теперь Пущина!» говоритъ онъ на смертномъ своемъ одрѣ. Въ минуты житейскихъ горестей, чуждый малѣйшей зависти, Пушкинъ умѣлъ утѣшаться «наслажденіемъ слезъ и счастіемъ друзей» и не отрекался отъ нихъ никогда и ни предъ кѣмъ, твердо и безбоязненно проявляя свое къ нимъ отношеніе, несмотря на то, что его привѣтамъ приходилось летѣть «во глубину Сибирскихъ рудъ» и въ «мрачныя пропасти земли».

Если эти далекіе друзья и сберегли въ свое время для Россіи Пушкина, заботливо и предусмотрительно не пріобщивъ его къ своимъ планамъ, — за то между окружавшими его нашлись платившіе обидой за жаръ его души «довѣрчивой и пѣжбой». Ихъ «предательскій привѣтъ» глубоко уязвлялъ его впечатлительное сердце. Онъ могъ повторить слова Саади въ «Гюлистанѣ»: «врагъ бросилъ въ меня камнемъ — и я не огорчился; другъ бросилъ цвѣткомъ — и мнѣ стало больно». Рядомъ такихъ

скрытыхъ обидъ и злоупотребленій «святою дружбы властью» очевидно вызваны и выстраданные звуки негодованія въ его «Коварности», когда ему довелось «своимъ печальнымъ взоромъ прочесть все тайное въ пѣмой душѣ» того, кого онъ считалъ другомъ, и осудить его «последнимъ приговоромъ!»

Таково отношеніе Пушкина къ людямъ. Посмотримъ на нравственныя требованія, которыя предъявлялъ онъ къ *самому себѣ*. Эти требованія опредѣляются тѣмъ, *что* признаетъ человѣкъ необходимымъ для сохраненія въ себѣ самоуваженія. Чуткою душой своею Пушкинъ не могъ не сознавать, что лишь упорный и серьезный трудъ и полная правдивость съ собою и съ другими могутъ поддержать въ человѣкѣ самоуваженіе и защитить его отъ сокровеннаго самопрезрѣнія въ тѣ минуты, когда онъ не развлеченъ мелочною пестротою обыденной жизни. Любовью къ труду была проникнута вся его жизнь. Ему, «*взыскательному художнику*», съ теплымъ чувствомъ вспоминается «живой и *постоянный*, хоть малый трудъ», «молчаливый спутникъ ночи, другъ Авроры златой». Онъ ощущалъ *обязанность* трудиться и жадно ждалъ любимаго осенняго уединенія, когда могъ приняться съ обновленными силами за плодотворную работу. Недаромъ въ «шорохѣ ночи» слышится ему «укоризна или ропотъ пмъ утраченного дня», недаромъ съ горечью вспоминаетъ онъ «растраченные годы», и его тревожитъ «призракъ невозвратимыхъ дней» въ то время, когда «судьбой отсчитанные дни» особенно дороги, чтобъ «мыслить и страдать» и, слѣдовательно, работать умственно. Отсюда многочисленныя поправки въ его рукописяхъ и варианты его стиховъ, отсюда настойчивая работа надъ языкомъ, надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать его гибкимъ, какъ сталь и сладкимъ, какъ сахарный тростникъ. Аллахъ говоритъ его «пророку»: «Не я ль языкъ твой одарилъ могучей властью надъ умами?» Для этой власти нужна, однако, не одна форма, но и содержаніе, продуманное, выплывшее изъ души и заключающее въ скупости словъ богатство мысли. Это содержаніе въ поэтическомъ произведеніи тогда лишь сильно и глубоко, когда оно явилось плодомъ

вдохновенія. Пушкинъ самъ указалъ разницу между вдохновеніемъ и восторгомъ, объясняя первое — одухотворенною работою, а второе — мимолетнымъ порывомъ.

И любовь къ правдѣ царитъ въ его трудѣ; къ той высшей правдѣ, которая ищетъ и рисуетъ идеаль дѣйствій человѣка, а не къ той низшей, которая изображаетъ все въ предѣлахъ факта, не подымая взора «горѣ» и праздно угождая хладной посредственности, завистливой и жадной къ соблазну. Признавая обычнымъ явленіемъ связь гениальности съ простодушіемъ и величія характера съ откровенностью, Пушкинъ самъ являлъ примѣръ ихъ, слѣдуя совѣту изъ своего «Подражанія корану»: «Мужайся! презирай обманъ, стезею правды бодро слѣдуй!» Ложь была ему ненавистна до забвенія собственной опасности. Смѣлое указаніе имъ генераль-губернатору Милорадовичу того, какія именно изъ ходящихъ въ рукописи «недозволительныхъ стихотвореній» принадлежатъ ему, остроумное замѣчаніе на запросъ Бенкендорфа о томъ, не Уваровъ ли имѣется въ виду въ «Выздоровленіи Лукулла» и, наконецъ, прямодушный отвѣтъ императору Николаю, въ 1826 году, въ Москвѣ, на вопросъ о томъ, участвовалъ ли бы онъ въ происшествіи 14 декабря — служатъ одними изъ многихъ примѣровъ его безусловной и безтрепетной правдивости.

Эта любовь къ правдѣ и искренности заставляла его цѣнить цѣльныхъ людей, даже и не соглашаясь со всѣми ихъ взглядами, но уважая ихъ прямоту и отсутствіе въ нихъ двоедушія. Онъ не разъ ссылаясь, въ бесѣдахъ, на то мѣсто откровенія св. Іоанна, гдѣ ангелу Лаодикійской церкви говорится: «знаю дѣла твои: ты ни холоденъ, ни горячъ; о, если бы ты былъ холоденъ или горячъ! но поелику ты только теплъ, — извергну тебя изъ устъ Моихъ». Наравнѣ съ цѣльными людьми цѣнилъ онъ и цѣльные чувства, которымъ человѣкъ отдается безъ расчетливой оглядки. Все показное въ этомъ отношеніи, какъ видно изъ его писемъ, его возмущало, всякая огласка добраго дѣла ему претила. «Горгуя совѣстью предъ блѣдною нищетою, не сыпь своихъ

даровъ расчетливой рукой», совѣтуетъ онъ. У него была отмѣченая еще княземъ Вяземскимъ неапатия къ поддѣльной наукѣ и къ лицемерной нравственности. Въ запискѣ о воспитаніи, представленной государю въ 1826 году, онъ возстаетъ противъ преподаванія фальсифицированной исторіи, и, вѣрный своей правдивости, — въ то время, когда воспитанникамъ принято было сообщать, что Наполеонъ былъ просто возмущившійся противъ короля предприимчивый генералъ, — указываетъ на необходимость объяснять «разницу духа народовъ, источника нуждъ и требованій государственныхъ» и дѣлать правильную оцѣнку историческимъ дѣятелямъ, безъ предначертаннаго на нихъ взгляда. Историческіе взгляды и труды Пушкина проникнуты стремленіемъ къ отысканію правды и, въ виду крайне слабаго развитія современной ему русской исторической науки, представляютъ перѣдко яркіе образчики своего рода ретроспективной питуціи, благодаря которой Пушкинъ опредѣлялъ дѣятелей, событія и эпохи далекаго прошлаго съ вѣрностью и глубиною, возможными лишь для тѣхъ, кто основательно знакомъ съ матеріаломъ, всесторонне разработаннымъ въ теченіе полувѣка со времени его смерти. Это стремленіе къ правдѣ не давало виѣшнему блеску затемнить въ глазахъ Пушкина истину и въ то же время не допускало его, забывая про культурныя условія — духовныя и матеріальныя — среди которыхъ приходилось жить и творить историческимъ дѣятелямъ, — впадать въ забвеніе про нравы и обычаи времени, столь часто заставлявшее у насъ дилетантовъ-историковъ неправильно освѣщать, а затѣмъ и оцѣнивать тотъ или другой историческій образъ. Исслѣдованія Соловьева и Павлова о Борисѣ Годуновѣ, всѣ главнѣйшіе труды о Петрѣ Великомъ, почти всѣ богатые выводы нашей историко-литературной критики явились послѣ Пушкина, а между тѣмъ сколь многое изъ *доказаннаго и установленнаго* ими *прочувствовано* Пушкинымъ и облечено въ дивныя художественныя образы и опредѣленія! Какъ тонки его замѣчанія объ отношеніи къ ученію энциклопедистовъ Екатерины II, ободрявшей сначала эти «игры иску-

ныхъ борцовъ» своимъ рукоплесканіемъ и съ безпокойствомъ увидѣвшей ихъ торжество въ жизни; какъ содержательна въ своей сжатости внутренняя картина Александровской Руси въ «Дубровскомъ»; какъ справедливы, въ записанномъ Смирновомъ разговорѣ, сравнительная оцѣнка Петра и Екатерины и указанія на національныя ошибки послѣдней и лицемѣріе ея знаменитаго «Наказа»... Красивыя декораціи царствованія Екатерины не вводили Пушкина въ заблужденіе о томъ, что за ними скрывалось. Его всецѣло привлекала къ себѣ та житейская и историческая правда, которою дышетъ личность Петра. «Онъ одинъ цѣлая всемірная исторія», — пишетъ Пушкинъ Чаадаеву. Памятникъ Петра — современная Россія, которая «вошла въ Европу, какъ спущенный корабль», — говорятъ онъ, указывая на безповоротность реформы Петра и рисуя его самого такъ, что онъ встаетъ предъ нами, какъ живой, среди своихъ священныхъ трудовъ и заботъ. Мы видимъ его дома, на верфи, въ бою, на пиру. Образы и глубоко продуманныя выраженія Пушкина, его удивительныя по богатству мысли прилагательныя, изображаютъ намъ въ незабвенныхъ чертахъ нравственный складъ, паружность и великія думы «славнаго кормчаго, къмъ наша двинулась земля».

Но Пушкинъ не ослѣплялся чувствомъ привязанности къ Петру и къ Россіи. Горячая любовь къ Россіи и вѣра въ нее были у него неразлучны съ чувствомъ правды, которое не позволяло ему закрывать глаза на ея недостатки и на чужія достоинства. Онъ желалъ видѣть родину сроднившуюся съ Западомъ во всемъ лучшемъ, но сохранившею самобытныя формы, заключающія все хорошее *свое*. Гнѣбныя подчасъ выраженія его писемъ, грустное восклицаніе при чтеніи Гоголемъ «Мертвыхъ душъ»: «не веселая штука Россія!» — только на предвзятый взглядъ могутъ идти въ разрѣзъ съ этою любовью и съ вѣрою въ «высокій жребій» русскаго народа. Недостатки любимаго существа всегда вызываютъ болѣе острые взрывы душевной боли, именно потому, что оно любимое и что его хочется ви-

дѣть лучше и выше всѣхъ. Гордясь скромностью русскаго человѣка и величіемъ всего, что совершено имъ по почину Петра, Пушкинъ тѣмъ не менѣе преклонялся предъ достоинствами общечеловѣческими. Ему былъ чуждъ узкій патріотизмъ, враждебно, надменно или косо смотрящій на все иноземное. Указывая на терпимость къ чужому, какъ на одну изъ прекрасныхъ сторонъ простого русскаго человѣка, онъ говорилъ о необходимости уваженія къ *человѣчеству* и къ его благороднымъ стремленіямъ. «Недостаточно имѣть только мѣстныя чувства», — говорилъ онъ Хомякову: «есть мысли и чувства всеобщія, всемірныя»... Правдою, по мнѣнію Пушкина, должна быть проникнута не одна личная, но и вся государственная дѣятельность правителя. Въ правдѣ — великая притягательная сила, въ ней же и вѣрный критерій. Умѣнье понимать это составляетъ одно изъ свойствъ истиннаго великаго историческаго дѣятеля. Недаромъ Петръ «правдою привлекъ къ себѣ сердца» и, благодаря умѣнью цѣнить ее, «былъ отъ буйнаго стрѣльца предъ нимъ отличенъ Долгорукій».... Но уравновѣшенность душевныхъ силъ и воспріимчивое чувство живой дѣйствительности заставляли Пушкина видѣть стимулъ для исканій правды въ чувствѣ любви. Поэтому онъ не считалъ возможнымъ найти эту правду въ крайностяхъ. Ея одинаково нѣтъ ни въ вѣнкахъ льстецовъ, ни въ безусловныхъ отрицаніяхъ. «Нѣтъ убѣдительности» — пишетъ онъ — «въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины тамъ, гдѣ нѣтъ любви».

Предъявляя къ себѣ такія требованія, Пушкинъ высоко ставилъ свое призваніе и умѣлъ отдѣлять его задачи отъ неизбежныхъ условій своей личной жизни и отъ роковыхъ даровъ природы, называемыхъ страстями. «Малодушное погруженіе» въ заботы «суетнаго свѣта» не заглушало для него «божественнаго глагола»; онъ отряхалъ ихъ съ себя подъ дуновеніемъ вдохновенія, но онъ все-таки былъ потомокъ — и близкій — того, кто «думалъ въ охлажденныхъ лѣтахъ о знойной Африкѣ своей». Этотъ зной жилъ въ его крови, давалъ себя чувствовать въ обыденные часы жизни и въ молодости, въ видѣ «алчнаго

грѣха», гнался за нимъ по пятамъ. Но и тогда онъ не утопалъ, самоуслаждаясь въ этомъ грѣхѣ, а «бѣжалъ къ Сіонскимъ высотамъ», никогда не теряя ихъ изъ виду, не забывая о ихъ-существованіи. Вѣрный народнымъ русскимъ свойствамъ, онъ относился къ себѣ, какъ къ человѣку, отрицательно и даже съ преувеличеннымъ самоосужденіемъ. «Презирать судъ людской нетрудно», пишетъ онъ, «презирать судъ собственный невозможно». Поэтому отношеніе его къ прошлому было иное, чѣмъ у большинства людей его общественнаго положенія. Въ годы наступавшаго успокоенія страстей онъ не взиралъ съ втайнѣ завидующимъ спусхожденіемъ на увлеченія своихъ юныхъ дней: карая себя за нихъ, онъ будилъ и вызывалъ тяжелыя воспоминанія, отравляя ими «видѣнія первоначальныхъ, чистыхъ дней». Рыдающіе звуки его «Воспоминанія», когда онъ съ отвращеніемъ читаетъ жизнь свою, но и слезами не можетъ смыть «печальныхъ строкъ», служатъ лучшимъ тому доказательствомъ. Но, безпощадно бичуя себя, онъ, однако, строго и смѣло отдѣлялъ свою личность отъ своего призванія. «Воронцовъ думаетъ, что я коллежскій секретарь», пишетъ онъ, «но я полагаю о себѣ нѣчто большее...». Это большее состояло въ призваніи быть пророкомъ будущаго Россіи, «глаголомъ жечь сердца людей» и ударять по нимъ «съ невѣдомою силой». Онъ сознавалъ ту роль, которую ему слѣдуетъ играть въ духовномъ развитіи родины, въ подготовкѣ ея свѣтлаго нравственнаго будущаго, въ которое онъ вѣрилъ горячо, подобно Петру «зная предназначенье родной страны». Когда изъ своего печальнаго уединенья онъ былъ въ 1826 г. вызванъ въ Москву, гдѣ ждало его невѣдомое и тревожное разрѣшеніе его судьбы, онъ не усомнился въ своемъ призваніи и взялъ съ собою стихи, начинавшіеся словами: «Возстань, возстань пророкъ Россіи, позорной ризой облекись!...» Отъ земной власти могли зависѣть многія существенныя условія его личной жизни и даже творчества, но не его «предназначенье». Онъ былъ, въ своихъ глазахъ, «Богомъ избранный пѣрецъ», который, для блага страны, не можетъ «молчать, потупя очи долу»...

Отношеніе Пушкина къ требованіямъ своей совѣсти и его раннее, вдумчивое проникновеніе въ сущность разумныхъ условій человѣческаго существованія, въ потребности сердца, въ права мысли опредѣлило и взглядъ его на главнѣйшія проявленія справедливости, какъ осуществленія общественной совѣсти, выражающіяся въ правосудіи и законодательствѣ. Уже двадцатилѣтнимъ юношею онъ выражаетъ опредѣленный, въ этомъ отношеніи, взглядъ, которому оставался затѣмъ вѣренъ во всю свою остальную жизнь. Восхищаясь уединеніемъ, онъ учится блаженство находить въ истинѣ, *«свободною душой законъ боготворить, роптанью не внимать толпы не просвѣщенной и отвѣчать участіемъ застѣнчивой мольбѣ»*. Это цѣлая программа, тѣмъ болѣе замѣчательная, чѣмъ менѣе она подходила къ условіямъ, въ которыя тогда охотно укладывалась личная и общественная жизнь на Руси.

Движеніе законодательства и возбуждаемые при этомъ вопросы общественнаго характера чрезвычайно интересовали Пушкина. Его замѣтки и письма хранятъ несомнѣнныя доказательства глубины этого интереса. Въ нихъ содержится множество замѣчаній критическаго и догматическаго характера и указаній на бытовые особенности, столь важныя для законодательства. Есть цѣлые опыты проектовъ той или другой мѣры, вызываемой общественными потребностями. Изъ нихъ видно, что, относясь къ подобнымъ вопросамъ съ живѣйшимъ вниманіемъ, Пушкинъ желалъ видѣть законъ примиреннымъ съ житейскою правдой и законною свободой, — желалъ видѣть чело-вѣка не рабомъ непонятнаго ему принудительнаго приказа, а слугою разумныхъ требованій общежитія.

«Мысль — великое слово», говоритъ онъ; «что же и составляетъ величіе чело-вѣка, какъ не мысль! Да будетъ же она свободна, какъ свободенъ чело-вѣкъ: въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ». Эта свобода, построенная на уваженіи къ правамъ личности и на признаніи правъ организованной совокупности личностей — общества — есть

та «святая вольность», которую Пушкинъ противопоставляетъ тому, что онъ называлъ «безумствомъ гибельной свободы». Рисуя себѣ идеаль общественнои жизни, «гдѣ твердо съ вольностью святой законовъ мощныхъ сочетанье», онъ именно въ этомъ сочетаніи видѣлъ необходимыя условія и залогъ спокойствія и дальнѣйшаго развитія общества. Несмотря на относительную близость французской революціи, картина которой въ представленіи большинства оставляла еще смутное и слитное впечатлѣніе, онъ, со свойственнымъ ему пониманіемъ исторической перспективы и умѣнемъ дать опредѣленіе въ двухъ словахъ, устанавливалъ, по отношенію къ политической свободѣ, глубокую разницу между «львинымъ ревомъ колоссальнаго Мирабо» и дѣйствіями «сентиментальнаго тигра — Робеспьера». Настоящая свобода не можетъ опираться на насиліе, — она «богиня чистая», и ея «цѣлебный сосудъ» не долженъ быть «завѣшанъ пеленой кровавой».

Мощный законъ долженъ являться покровителемъ слабыхъ, разумною уздою для тѣхъ, кто, подобно Алеко, «для себя лишь хочетъ воли», и выразителемъ пониманія прирожденныхъ правъ человѣческой души. Отсюда — требованіе *строгой обдуманности* и *человѣчности* закона. Пушкинъ указываетъ на необходимость спокойной обдуманности и отсутствія личныхъ настроеній законодателя въ законѣ. «Достойна удивленія», пишетъ онъ, «разность между государственными учрежденіями Петра Великаго и временными его указами. Первые есть плоды ума обширнаго, исполненнаго доброжелательства и мудрости; вторые жестоки и своерправны. Первые назначены для вѣчности или, по крайней мѣрѣ, для *будущаго*; вторые вырвались у петеріѣнія и самовластія».

Требуя *человѣчности* въ законѣ, Пушкинъ уже въ ранней молодости умѣлъ проявить драгоцѣнное чувство истинной справедливости, — весьма нужное и для законодателя, и для судьи, — состоящее въ умѣнѣ поставить себя на мѣсто другого и понять его чувства въ томъ или другомъ положеніи. Его душу смущала отвлеченная отъ жизни, непреклонная жестокость пѣ-

которыхъ законовъ, поражающая неповинныхъ, «гнетущая природы голосъ иѣжшій». Въ томъ возрастѣ, когда менѣе всего думаютъ объ участи дѣтей, являющихся слѣдствіемъ осуждаемыхъ закономъ связей, онъ былъ тронутъ ихъ злосчастною судьбою и съ удивительною для его лѣтъ глубиною описывалъ всѣ трагическіе моменты жизни ребенка, искушающаго «увлеченіе» родителей: его отчужденіе отъ всѣхъ, одиночество, томительныя, грустныя думы, проклятія судьбѣ, зависть къ тѣмъ, кто позналъ ласку матери, жестокіе упреки чужихъ людей и полное «неправедное и ужасное безправіе». Чуткая душа поэта намѣтила высокую цѣль законодателю, состоящую въ облегченіи судьбы тѣхъ, кто неповиненъ въ «страстяхъ» своихъ родителей. Судьба не послала ему радости увидѣть осуществленіе своихъ идей. Онъ не дожилъ до сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи въ послѣднее десятилѣтіе нашимъ законодательствомъ человѣколюбивыхъ шаговъ. Дѣтство Пушкина прошло среди помѣщичьей обстановки, въ значительной мѣрѣ обусловленной крѣпостнымъ правомъ, составлявшимъ одну изъ основъ тогдашняго общественнаго строя. Но облагораживающее вліяніе Лицея, нравственная атмосфера, которою сталъ дышать Пушкинъ послѣ отцовскаго дома и вліяніе такихъ людей, какъ Энгельгардтъ и, въ особенности, Куняцынъ, воспитавшій «пламень» своихъ учениковъ, «создавшій» ихъ и «возжегшій чистую лампаду» въ ихъ душѣ, сдѣлали свое дѣло. Благородныя сѣмена пали на благодатную почву. Вступивъ въ жизнь съ намѣреніемъ «отчизнѣ посвятить души высокіе порывы», Пушкинъ долженъ былъ неминуемо и болѣзненно столкнуться съ проявленіями владѣнія «душами», основанными на правѣ, закрѣпленномъ закономъ и поддерживаемомъ строгими карами. Въ «пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенія», въ «пустынный уголокъ, на лоно счастья и забвенья», гдѣ отдыхалъ 20-лѣтній поэтъ, вторглись скорбныя отголоски изъ другого, близкаго, окружающаго міра, — и поэтъ не посмѣлъ уйти отъ нихъ, зажать себѣ уши и закрыть глаза! Его сердце, вѣрное любви къ людямъ, востребован-

лось и, среди личнаго счастья, воспѣло «стихомъ пронзительно-унылымъ» несчастье ближнихъ съ подавляющею силой.

Картина мрачныхъ сторонъ крѣпостного быта, нарисованная Пушкинымъ, такъ была полна, что ему нечего было къ ней болѣе потомъ добавить, хотя раскатовъ его негодованія хватило бы на долго. Судьба была жестока къ лучшимъ упованіямъ его. Употребляя его собственное выраженіе, можно сказать, что относительно многихъ улучшеній общественнаго быта, ему было дано «безкрылое желанье», такъ что онъ имѣлъ основаніе сказать, что въ груди его «горѣлъ безплодный жаръ». Онъ не дожидаясь до страстно желанной минуты увидѣть «рабство, павшее по манію Царя», и не пережилъ со всѣми лучшими людьми земли русской великаго дня освобожденія крестьянъ, съ котораго его болѣе счастливый другъ, князь В. О. Одоевскій, предлагалъ начать считать въ Россіи новый годъ. А между тѣмъ освобожденіе крестьянъ было искреннимъ желаніемъ императора Николая. Онъ, въ разговорѣ съ Пушкинымъ, по пересказу Смирновой, упрекалъ Бориса Годунова за прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и Лейбница за то, что, совѣщаясь съ Петромъ Великимъ, нѣмецкій ученый не указалъ ему на несправедливость крѣпостного права. Бюрократическая и законодательная рутинная, опиравшаяся на упорную инерцію общества и на страхи, создаваемые «пугливымъ воображеніемъ», создавала препятствіе для рѣшительныхъ шаговъ Государя. Онъ, въ отношеніи крестьянскаго вопроса, не находилъ сочувствія себѣ и честной поддержки въ ближайшихъ исполнителяхъ своей воли. Даже такіе люди, какъ, напримѣръ, благородный Мордвиновъ, про котораго во многихъ отношеніяхъ можно было сказать: «сей старецъ дорогъ намъ», — оправдывали продажу людей въ одиночку, какъ способъ, «коимъ рабъ отъ лютатаго помѣщика можетъ случайно перейти къ болѣе челоуѣколюбивому господину». Подъ вліяніемъ всего этого ограничивались поверхностными мѣрами и единичными случаями, въ надеждѣ на личную доброту душевладѣльцевъ. На непригодность такихъ полумѣръ указывалъ Пушкинъ, то смѣясь

надъ наказомъ, основаннымъ на томъ, «чтобъ барской ягоды тайкомъ уста лукавыя не ѣли и пѣнъемъ были заняты — затѣя сельской простоты» и надъ великодушною замѣной «ярма отъ барщины старинной оброкомъ легкимъ», — то говоря о несчастіи семейственной жизни народа, вслѣдствіе насильственныхъ браковъ, — то рисуя образъ филантропическаго мучителя, желавшаго приучить крестьянъ ко всевозможнымъ страданіямъ, чтобы затѣмъ, постепенно, возвратить имъ собственность и даровать права. Вѣрный своему призванію и любви къ родинѣ, онъ изображалъ съ разныхъ сторонъ то недостойное состояніе, въ которомъ держало крѣпостное право большую часть русскаго народа, и возвѣщалъ о своей жаждѣ увидѣть этотъ народъ неугнетеннымъ и живущимъ подъ покровомъ просвѣщенной свободы. Онъ звалъ, онъ торопилъ наступленіе этого времени... Съ этимъ наступленіемъ у него были связаны свѣтлыя надежды. «Послѣ освобожденія крестьянъ у насъ будутъ гласные процессы, присяжные, бѣлая свобода печати, реформы въ общественномъ воспитаніи и въ народныхъ школахъ», — говорилъ онъ Соболевскому. Крѣпостное право въ обыденной жизни опиралось на домашнюю, произвольную и часто ничѣмъ необузданную расправу. Свой взглядъ на «насильственную лозу» Пушкинъ выразилъ въ запискѣ о народномъ воспитаніи, поданной императору Николаю, гдѣ говорилось о необходимости уничтоженія тѣлесныхъ наказаній для внушенія воспитанникамъ заранѣе правилъ чести и челоувѣколюбія, чтобы слишкомъ жестокое воспитаніе не сдѣлало изъ нихъ впослѣдствіи палачей, а не пачальниковъ.

Общественная жизнь колеблется преступленіями. Карающій законъ необходимъ, но очень важно, чтобы его удары не поражали челоувѣка напрасно, не стѣсняли его личную жизнь, покуда онъ не проявляетъ себя нарушеніями чужихъ правъ. Ясному уму Пушкина эта истина, туманная подчасъ и для нѣкоторыхъ законодателей, представлялась очевидно. «Законъ постигаетъ», говоритъ онъ, «однѣ преступленія, а не личную жизнь челоувѣка, оставляя пороки и слабости на совѣсть каждому» и

тѣмъ ставитъ точное опредѣленіе границъ карающаго закона. Придавая огромное значеніе голосу совѣсти въ человѣкѣ, Пушкинъ, какъ и Достоевскій, видѣлъ въ немъ первое и самое сильное выраженіе внутренняго наказанія, отъ котораго не могутъ защитить ни разсѣянiе, ни «шумъ потѣхи боевой», ни проищескія «поговорки» не смотря на то, что «онѣ кажутся удивительно полезны», когда мы ничего не можемъ выдумать въ свое оправданіе». «Внутренняя тревога» замолкаетъ вообще не легко, и шумъ ея можетъ стать оглушающимъ, когда къ нему присоединяется голосъ совѣсти, этого «нежданнаго гостя, докучнаго собесѣдника, жаднаго заимодавца», этого «когтистаго звѣря, скребущаго сердце». Этотъ голосъ отравляетъ жизнь днемъ, населяетъ ужасами ночь. Пушкинскій Борисъ удивительно характеризуетъ внутреннее состояніе человѣка, въ которомъ совѣсть не чиста, такъ что «и радъ бѣжать — да некуда... ужасно!» — «Я не злодѣй», говоритъ Пушкинъ въ своемъ «Слѣдѣ» — «съ волненіемъ и тоской не зрю во слѣ кровавыхъ привидѣній... и въ поздній часъ ужасный, блѣдный страхъ не хмурится угрюмо въ головахъ».

Изображая неподдающіяся опредѣленію закона *послѣдствія* преступленія, Пушкинъ вдумывался въ пути, которыми нерѣдко приводится человѣкъ къ злодѣянiю, въ развитіе въ немъ преступной идеи до окончательной рѣшимости. Въ «Братьяхъ-разбойникахъ» прекрасно обрисовано происхожденіе преступленія. Сначала сиротство и одиночество, отсутствіе дѣтскихъ радостей, затѣмъ нужда, презрѣніе окружающихъ, зависти «жестокое мученіе», наконецъ — забвеніе робости и... «совѣсть отогнали прочь!» Но ее можно отогнать, а уничтожить нельзя. Она, «докучная», проснется въ тяжкій день, оживленный ею образъ жертвы станетъ неотступно предъ глазами, — и будетъ «дряхлый крикъ ея ужасенъ...» У Пушкина есть глубочайшія психологическія наблюденія относительно преступленія. Онъ отмѣчаетъ, напримѣръ, тѣ непостижимыя внутреннія противорѣчія захваченной губительною мыслью души, которыя такъ поражаютъ иногда юристовъ-практиковъ. Таковъ кузнецъ Архипъ, запираю-

щій людей въ поджигаемомъ домѣ, отвѣчающій на мольбы ихъ о спасеніи злобнымъ: «какъ не такъ!» и въ то же время съ опасностью жизни спасающій съ крыши пылающаго сарая котенка, чтобы не дать погибнуть Божьей твари. Онъ приводитъ указанія на болѣзненные настроенія, въ которыхъ совершеніе преступнаго дѣла разрѣшаетъ умъ и сердце отъ сдавившей ихъ тяжести, вызывая собою ощущеніе облегченія и наслажденія. «Сердце мнѣ тѣснитъ какое то невѣдомое чувство», говоритъ Скупой Рыцарь, отпирая сундукъ въ своемъ подвалѣ вѣрномъ, и, какъ всегда, «впадая въ жаръ и трепетъ», и объясняетъ, что чувствуетъ то же, что, по увѣреніямъ медиковъ, чувствуютъ люди, «въ убійствѣ находящіе пріятность», когда вонзаютъ въ жертву ножъ: «пріятно и страшно вмѣстѣ». Сальери, увидѣвъ, что Моцартъ выпилъ стаканъ съ брошеннымъ въ него ядомъ, плачетъ и говоритъ: «эти слезы впервые лью; больно и пріятно: какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ страдавшій членъ».

Для возстановленія нарушеннаго права, для назначенія заслуженнаго наказанія нуженъ судъ, обязанный стремиться къ возможной правдѣ, на сколько она доступна на землѣ человѣку. И способы отысканія, и самое пониманіе этой правды различны въ зависимости отъ времени и отъ развитія общественной среды. Пушкинъ коротко, но мастерски набрасываетъ картины суда патріархальнаго и суда домашняго. «Оставь насъ, гордый человекъ! мы дики, нѣтъ у насъ законовъ, мы не терзаемъ, не казимъ, не нужно крови намъ и стоновъ, но жить съ убійцей не хотимъ» — говоритъ Алеко старикъ-цыганъ послѣ убійства имъ жены и соперника. Иначе устроенъ судъ въ крѣпости Озерной. «Иванъ Игнатьичъ!» поручаетъ капитанша Миронова: «разбери ты Прохорова съ Устипьей, кто правъ, кто виноватъ, да обоихъ и накажи...». Современный Пушкину русскій судъ его не удовлетворялъ. Еще въ стихотвореніяхъ своей молодости онъ выражалъ отвращеніе къ «крючковатому подъяческому народу, лишь взятками богатому и ябеды оплоту», и находилъ, что въ судѣ

«здравый смысл — путеводитель рѣдко вѣрный и почти всегда недостаточный», въ виду того, что нашъ храмъ правосудія постоянно осквернялся слишкомъ хорошо извѣстными злоупотребленіями. Содержаніе бреда Дубровскаго, когда ему предлагаютъ подписать «свое полное и совершенное удовольствіе» подъ рѣшеніемъ, коимъ онъ ограбленъ въ пользу богатаго и сильнаго сосѣда, многозначительно. Истинный судъ, по Пушкину, лишь тамъ, гдѣ прежде всего равно примѣняется ко всѣмъ равный для всѣхъ законъ, «всѣмъ простертъ *законовъ* твердый щитъ, гдѣ, *сжатый стрными* руками, гражданъ надъ *равными* главами ихъ мечъ *безъ выбора* скользитъ; гдѣ преступленіе свысока разится *праведнымъ* размахомъ»; гдѣ, наконецъ, судьи не только честны, но и независимы, такъ что неподкупна ихъ рука «ни къ злату алчностью, ни страхомъ». Праведность размаха, о которой говоритъ поэтъ, несомнѣнно должна прежде всего выражаться въ живомъ отношеніи къ личности человѣка, не допускающемъ равнодушія къ его судьбѣ, требующемъ обдуманнаго и справедливого мѣръ изслѣдованія и разумныхъ мѣръ наказанія. Именно съ такой точки зрѣнія и смотрѣлъ Пушкинъ на отправленіе правосудія. Оно должно быть жизненно, а не отвлеченно и не давать, въ своемъ практическомъ осуществленіи, поводовъ къ приложенію словъ, влагаемыхъ Бомарше въ уста Фигаро: «я надѣюсь на вашу справедливость, *хотя* вы и представитель правосудія». Поэтому онъ съ любовью останавливается не на «дьякѣ, въ приказахъ посѣдѣломъ», который «спокойно зрѣтъ на правыхъ и виновныхъ, добру и злу внимая равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва», а на Беккарія, котораго изучалъ и считалъ «величайшимъ филантропомъ своего времени». Вопросы судопроизводства очень его интересовали. Онъ ясно понималъ, что истинная справедливость выше формальнаго закона и подчасъ ускользаетъ отъ однообразія механическихъ обрядовъ, и что судъ по предустановленнымъ доказательствамъ, безъ самостоятельности судей, тревожно направленной на отысканіе правды, можетъ лишь служить принципу «*summum jus — summa injuria*».

Его смущало значеніе, которое формальный судъ придавалъ собственному сознанию подсудимаго. Онъ собирался писать повѣсть о двухъ казненныхъ въ Нюрнбергѣ женщинахъ, Маріи Шоннингъ и Аннѣ Гарлингъ, невишно осужденныхъ по всѣмъ правиламъ искусства, на основаніи собственного сознанія, даннаго подъ угрозою пытки, въ порывѣ отчаянія и въ восторженной надеждѣ на менѣе тягостную жизнь за гробомъ, — сознанія, провѣрить которое судьи не потрудились. Рисуя приготовленія къ «розыску и къ пыткѣ», онъ строго осуждаетъ «собственное признаніе», которому нашъ, современный ему, уголовный законъ придавалъ значеніе «лучшаго доказательства всего свѣта». «Думать, что собственное признаніе преступника необходимо для его полного обличенія», говоритъ Пушкинъ, «мысль не только неосновательная, но и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо если отрицаніе подсудимаго не пріемлется въ доказательство его невиности, признаніе его и того менѣе должно быть доказательствомъ его виновности».

Въ то время, когда, въ глазахъ большинства, наказаніе основывалось на началахъ, выражаемыхъ афоризмами: «по дѣломъ вору и мука» и «дабы, на то гляючи, и другимъ было то дѣлати неповадно», онъ смотрѣлъ на наказаніе за преступленіе, какъ на средство исправленія, но не исключительно достиженія страданія или даже гибели виновнаго. Карательныя мѣры, господствовавшія въ XVIII вѣкѣ, представлялись ему жестокими. «Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы!» восклицаетъ онъ, характеризуя «законовъ гибельный позоръ», исторгающій «неволи немощныя слезы». Въ замѣчаніяхъ на «Анналы» Тацитта, приводя рассказъ о присужденіи сенатомъ Вабіа Серена къ заключенію на безлюдномъ островѣ, чему воспротивился Тиберій на томъ основаніи, что человека, коему дарована жизнь, не слѣдуетъ лишать способовъ для ея поддержанія, Пушкинъ восклицаетъ: «слова, достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго!»

Одной справедливости, однако, мало для того, чтобы размахъ меча правосудія былъ праведнымъ. Истинное и широкое право-

судіе должно выражаться и въ человѣчномъ отношеніи къ виновному. Еще никогда примѣръ такой человѣчности и состраданія не бывалъ вреденъ. Во взглядѣ на это свойство правосудія Пушкинъ вполне сходилъ со своимъ знаменитымъ полемистомъ — митрополитомъ Филаретомъ, который писалъ въ 1840 году: «Къ преступнику надо относиться съ христіанскою любовью, простотою и снисхожденіемъ, остерегаясь всего, что уничижаетъ или оскорбляетъ. Низко преступленіе, а человѣкъ достоинъ сожалѣнія». Идея кроткой жалости, милости и прощенія проникаетъ массу произведеній нашего поэта. Можно сказать, что это одна изъ основныхъ нотъ его творчества. Уже его юношескому воображенію, когда въ немъ еще кипѣлъ избытокъ жизненной энергіи и любви къ борьбѣ, въ заманчивой нравственной красѣ рисуется картина побѣдителей, которые «весело и грозно бились, дѣлили дани и дары и съ *побѣжденными* сидили за *дружелюбные* пиры» (1817 г.). Ему привлекателенъ Петръ, ласкающій «славныхъ плѣнниковъ своихъ» и поднимающій заздравный кубокъ за своихъ учителей (1828 г.). Но особенно дорогъ ему и понятенъ великій монархъ, когда онъ «съ подданнымъ мирится, виноватому вину отпуская, веселится и *прощенье* торжествуетъ, какъ *побѣду надъ врагомъ*» (1835 г.). Пушкинъ глубоко понималъ громадное значеніе шаговъ къ примиренію съ оскорбленною и страждущею душой и благотворное вліяніе великодушнаго и широкаго прощенія. Онъ испыталъ на себѣ, какъ подъ «тайнственнымъ щитомъ святого прощенія» умолкаютъ «бурныя чувства, кипящія въ сердцахъ — и несправедливость, и грѣзы мести блѣдной»... Вотъ почему «лукавый лстецъ» способенъ накликать бѣду, стремясь ограничить идущую съ высоты трона милость; вотъ почему Пушкинскій Патріархъ въ «Борисѣ Годуновѣ» благословляетъ Всевышняго, поселившаго въ души Великаго Государя «духъ милости и кроткаго терпѣнія»; вотъ почему великій поэтъ нашъ всю жизнь свою «участіемъ отвѣчалъ застѣнчивой мольбѣ» и имѣетъ гордое право на любовь народа уже за то, что провозглашалъ милосердіе призваніемъ царя,

и, исполняя *свое* призваніе, чуднымъ непревзойденнымъ даромъ своимъ «милость къ падшимъ призывалъ».

Въ этой его особенноти могутъ увидѣть противорѣчіе съ воспѣваніемъ «славы бранной». Но представленіе о немъ, какъ о пѣвцѣ этой мрачной славы, певѣрно такъ же, какъ и нѣкоторые другія о немъ представленія. Никогда поклонникомъ войны, какъ средства для добычи славы, онъ не былъ. Его разумъ и человѣчность возставали противъ лишенныхъ внутренняго содержанія понятій, столь дорого иногда обходящихся людямъ. Почти всѣ пѣсни его, посвященныя войнѣ, относятся къ началу двадцатыхъ годовъ, когда крутомъ все еще было полно «священной памятью двѣнадцатаго года» и обаяніемъ только что выдержанной борьбы за народную независимость, за положеніе, добытое вѣковыми усилиями и жертвами, давшее русскому народу испытать «высокій жребій». Написанное позже — было вызвано впечатлѣніями начавшагося возстанія грековъ противъ турецкаго ига и послѣдовавшей за тѣмъ борьбы, захватившей сердца народовъ и правительствъ. И въ обоихъ случаяхъ дѣло шло не о добываніи бранной славы, а о жизненныхъ условіяхъ существованія двухъ народовъ, о родинѣ и о «странѣ героев и боговъ». «Возстань, о Греція, возстань!» восклицалъ Пушкинъ: «страпа героев и боговъ, расторгни рабскія вериги, при пѣньѣ пламенныхъ стиховъ Тиртея, Байрона и Ряги». Картины битвъ, нарисованныя имъ, тоже не могутъ свидѣтельствовать о его вкусѣ къ тому, что Пироговъ называлъ «травматическою эпидемією». Не равнодушно и безразлично, съ холодною точностью опытнаго батальнаго художника, рисуетъ онъ ужасную картину полтавскаго кровопролитія, когда сливаются въ одно «клики, скрежеть, ржанье, стонъ и смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ». Онъ видитъ въ немъ неизбежное жертвоприношеніе для выполненія предназначенія Россіи, грозный путь къ «гражданству сѣверной державы», достигнутому побѣдою надъ сосѣдомъ завистливымъ и надменнымъ, мѣшавшимъ ея развитію и внесшимъ войну въ ея внутреннія области. «Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ» до-

роги ему, какъ указавшіе «повелительныя грани» тѣмъ, кто хотѣлъ бы ограничить политическую самобытность Россіи, дороги, какъ вѣявшіе надъ русскимъ солдатомъ, на ряду съ беззавѣтною храбростію котораго Пушкинъ съ восхищеніемъ отмѣчалъ отсутствіе ненависти къ врагу и тщеславія побѣдами. Его, по собственнымъ словамъ, не манитъ слава, «грозящая перстомъ окровавленнымъ», вовсе не плѣняетъ «бранная забава», которую «любить нельзя», и если, въ 1821 г., имъ и высказано желаніе вырваться на войну, то лишь потому, что «въ смерти грозномъ ожиданіи» онъ думалъ заглушить «тоску своихъ привычныхъ думъ», отъ коихъ увядалъ, «какъ жертва злой отравы». Но и тутъ онъ чувствовалъ, что въ немъ не родится *«слѣпая»* славы страсть, свирѣпый даръ героевъ». Это смерти грозное ожиданье и готовность умереть за родину, способная возбудить зависть къ тѣмъ, «кто умереть шелъ мимо насъ», представляются ему необходимымъ условіемъ войны, а не жажда чужой гибели, — и Наполеонъ, «царемъ возсѣвшій на гробахъ», былъ ему ненавистенъ. По отношенію къ тяжелой долѣ войны у него слышатся звуки примиренія; «въ бореньи падшій невредимъ»: ему не должно «узрѣть гнѣвнаго лица народной Немезиды» и «услышать пѣснь обиды отъ лиры русскаго пѣвца». Съ наступленіемъ зрѣлаго возраста однѣ картины мира и внутренняя жизнь человѣка приковываютъ къ себѣ поэта, и онъ «жадно внимаетъ» Мицкевичу, говорящему о «временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся». Знаменательно, что празднованіе дня рожденія Пушкина приходится въ такое время, когда въ другой странѣ Европы, въ тихой столицѣ Голландіи, занимается отдаленная заря осуществленія этой возвышенной надежды, по великодушному почину, идущему отъ его родины. Нужды нѣтъ, что раздаются скептическіе голоса, что небо надъ лучами этой зари еще покрыто облаками своекорыстнаго, жестокосердаго упорства и недоразумѣній: достаточно, что лучи эти блеснули... Разъ занялась зря — солнце взойдетъ непременно: таковъ законъ физической природы, таковъ законъ и природы

правственной. Пускай же и въ этомъ отношеніи нашъ возлюбленный поэтъ, восторженно восклицавшій: «ты, солнце святое, гори!» — будетъ пророкомъ...

Въ нравственно-жизнейскую формулу Пушкина входила очень трудно исполнимая часть: «ронтанью не внимать толпы непро-свѣщенной». Самъ поэтъ находилъ, что «конечно презирать не трудно отдѣльно каждаго глупца, но — чудно! всѣхъ вмѣстѣ презирать ихъ трудно...» Ему тяжело жилось въ современномъ ему обществѣ, гдѣ приходилось нести свою любовь къ правдѣ, свое «ронтанье вѣчное души» въ бездушную среду «злыхъ безъ ума, безъ гордости спесивыхъ», влачащихъ скуку, «какъ скованный невольникъ мертвеца», и отдыхающихъ на чувствѣ недоброжелательства и на виртуозности клеветы по отношенію ко всякому, кто уместенно или нравственно возвышается надъ ихъ уровнемъ. Въ то время, когда поэту казалось невозможнымъ считать, что «добро, законъ, любовь къ отечеству, права — лишь только звучныя слова», ему же приходилось въ письмѣ къ Чаадаеву съ душевною болью отмѣчать у насъ «отсутствіе общественнаго мнѣнія, равнодушіе къ долгу, правосудію и правдѣ», благодаря чему создаются такія условія жизни, при которыхъ отдѣльныя личности, какъ писалъ онъ князю Вяземскому, «у насъ не зрѣютъ, а сохнутъ или гниютъ». Глубокое отвращеніе къ этой средѣ, обнимавшей его со всѣхъ сторонъ, почти во всѣхъ проявленіяхъ тогдашней скудной общественной жизни, жило въ душѣ Пушкина. «Подите прочь! какое дѣло поэту мирному до васъ» — говорилъ онъ людямъ этой среды, считая ихъ входящими въ составъ «толпы» и вовсе не обозначая этимъ именемъ народа, въ презрѣніи къ которому его спилились упрекнуть умышленно не хотѣвшіе его понимать люди. Вся творческая его жизнь, посвященная духовному служенію народу, громко вопіетъ противъ такого обвиненія! Не могъ презирать народъ тотъ, который написалъ «льстецъ скажетъ: презирай народъ!» Подъ «толпою» онъ разумѣлъ все низменное, къ какому бы слою общества оно ни принадлежало, — всѣхъ, читающихъ жадно мемуары и записки вы-

дающихся людей, съ цѣлью найти щекотливыя разоблаченія или признанія и въ пизости своей радующихся униженію высокаго, слабостямъ могучаго потому, что «онъ малъ и мерзокъ, какъ мы!» «Врете вы!» восклицаетъ Пушкинъ «онъ и малъ, и мерзокъ, но не такъ, какъ вы — иначе!...»

Есть, однако, большая разница между теоретическимъ отрицаніемъ и практическимъ отреченіемъ. Оцѣнивъ эту толпу по достоинству, признавая, что «достойны равнаго презрѣнья ея тщеславная любовь и лицемѣрныя гоненія», Пушкинъ, казалось бы, логически долженъ былъ дойти до неуязвимости по отношенію къ ней. Но въ дѣйствительности, среди житейскихъ условій, въ которыя онъ былъ почти безвыходно поставленъ, его душа, довѣрчивая и пѣжная, была открыта злобному шпіѣнью и изощреннѣйшимъ надругательствамъ свѣтской толпы. Воспріимчивая натура поэта и его гордое чувство собственного достоинства открывали этой «хладной» толпѣ возможность постоянно наносить его сердцу «неотразимыя обиды» и своими клеветническими легендами, построенными на вымыслахъ, направленныхъ именно на оскорбленіе его человѣческаго достоинства, доводить Пушкина до мысли о самоубійствѣ и до просьбы о ссылкѣ въ Сибирь или о заточеніи въ крѣпости. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что императоръ Николай Павловичъ цѣнилъ Пушкина. Онъ, по прекрасному выраженію послѣдняго, «почтилъ его вдохновеніе и освободилъ его мысль», и записки Смирновой, помимо различныхъ другихъ данныхъ, содержатъ въ себѣ цѣльныя указанія на сочувственное и внимательное отношеніе государя къ великому русскому поэту. Возвышенная душа Пушкина не стыдилась чувства благодарности и умѣла его испытывать, а руководясь своимъ свѣтлымъ умомъ и любовью къ правдѣ, онъ умѣлъ отдѣлять добрыя намѣренія русскаго царя отъ практическаго ихъ осуществленія послѣ того, какъ они прошли сквозь враждебную поэту среду исполнителей. Слова нелицемѣрной признательности государю звучатъ въ устахъ Пушкина до послѣднихъ минутъ его жизни. Но такое отношеніе къ нему императора

Николая было не по плечу или, вѣрнѣе, не по душѣ свѣтской толпѣ и ея вліятельнымъ представителямъ.

Умъ Пушкина, «любя просторъ», тѣснилъ всѣхъ, кому не страшна одна лишь посредственность, а сознаніе своего призванія не позволяло ему склонить гордое чело ни предъ толпою, ни предъ отдѣльными личностями «въ величіи неправомъ». Научившись не завидовать послѣднему, онъ вооружалъ его носителей противъ себя, то бичуя ихъ «пламенной сатирой», то, по выраженію Баратынскаго, «вцѣпляясь имъ въ глаза» мѣткими эпиграммами. При этомъ, въ личныхъ сношеніяхъ, благодаря своей страстной искренности, онъ, конечно, забывалъ правило житейской осторожности, совѣтующее не относиться съ презрѣніемъ ко всякому, кого невозможно уважать и не разглашать о своихъ личныхъ недостаткахъ (всегда при томъ преувеличивая ихъ, какъ это было въ его обычаѣ), въ забвеніи, что для этого, во всякомъ случаѣ, существуютъ друзья, и что люди рѣдко понимаютъ существованіе слабостей, доступныхъ только сильному. Поэтому усталость отъ условій своего существованія и дѣятельности была въ немъ совершенно законна и естественна. Онъ былъ до того стѣсненъ въ своемъ творчествѣ посредниками между нимъ и его вѣнчаннымъ цензоромъ, что получилъ замѣчаніе Бенкендорфа за напечатаніе «Анчара» съ *цензурнаго* разрѣшенія, и въ 1835 г. долженъ былъ въ прошеніи, исполненномъ пропіи и подавленнаго гнѣва, *всеуниженно* просить цензурный комитетъ урегулировать его отношенія къ цензурѣ. Дошло до того, что ему приходилось скрывать имя автора при печатаніи «Капитанской дочки», а «Мѣдный всадникъ» былъ запрещенъ.

Все глубже и глубже вдумываясь въ задачи жизни и въ свое призваніе, не находя подчасъ правильной оцѣнки и пониманія своихъ побужденій даже у друзей и оскорбляемый двучливыми, приправленными пошлостью, похвалами и худо скрытою злобою современной ему критики, — Пушкинъ думалъ найти отдыхъ и обновленіе въ семейной жизни. Онъ смотрѣлъ серьезно на положеніе женщины въ обществѣ. Женщина — игрушка стра-

стей, ограниченная въ гражданскихъ правахъ, поставленная въ положеніе взрослого ребенка, не другъ и товарищъ, не «со-служебница» въ жизни мужа — явленіе, пагубно отражающееся на всемъ общественномъ организмѣ. Пушкинъ ясно сознавалъ это и не разъ, въ разной формѣ, преслѣдовалъ пустоту женской жизни въ свѣтскомъ обществѣ, указывая въ своихъ замѣткахъ, письмахъ и «Рославлевѣ» на полное духовное равенство женщины съ мужчиною, требующее серьезнаго къ ней отношенія. Онъ былъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ семейной жизни и къ браку. «Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ челоуѣка болѣе нравственнымъ», писалъ онъ. Слишкомъ наивно было бы, по справедливому мнѣнію профессора Кирпичникова, защищать молодого поэта отъ проповѣдниковъ прописной морали, которые, гордясь своей дешевой добродѣтелью трусости и безстрастія, обвиняли его въ томъ, что онъ находилъ поэзію въ дружеской трапезѣ или поддавался обаянію женской красоты. «Сіонскія высоты» всегда стояли передъ нимъ. Русланъ и Ратмиръ его юности, Татьяна его зрѣлыхъ лѣтъ показываютъ, что это обаяніе не затемняло въ немъ семейнаго идеала. «Храните вѣрные сердца для пѣгъ законныхъ и стыдливыхъ», — говоритъ онъ 24-хъ лѣтъ отъ роду, и жадное желаніе семейнаго счастья звучитъ во всей его перепискѣ со второй половины 20-хъ годовъ. Созданный имъ въ 1833 г. образъ капитанши Мироновой и ея трогательныя слова предъ приступомъ Пугачова обрисовываютъ возвышенный взглядъ Пушкина на «consortium omnis vitae». Если его сознательный и обдуманый выборъ былъ неудаченъ въ томъ смыслѣ, что еще крѣпче привязывалъ его къ свѣтскому обществу и «впрягалъ въ одну телѣгу коня и трепетную лань», и если поэтому онъ не нашелъ полного отзывчивой гармоніи домашняго счастья, то можно лишь жалѣть объ этомъ, но несправедливо пылать дешевымъ негодованіемъ противъ той, которую онъ самъ называлъ «чистѣйшей прелести чистѣйшимъ образцомъ» и право которой на свою пѣжную, довѣрчивую любовь торжественно засвидѣтельствовалъ предъ лицомъ смерти.

Въ отравѣ послѣднихъ лѣтъ его жизни виновна все та же клевета, которая, притаясь на время и мѣняя цвѣта, какъ хамелеонъ, шла въ самомъ образѣ жизни семьи, принадлежащей свѣту и подчиненной его условностямъ и суетнымъ обычаямъ, новую для себя пищу. Въ одной изъ своихъ боевыхъ рѣчей знаменитый Брайтъ сказалъ: «могутъ ли оставаться спокойными честное сердце и возвышенный умъ, чувствуя, что они невидимы, когда хотѣлось бы пользоваться заслуженною любовью, и внимая вокругъ себя тонкій свистъ клеветы, ползущей, подобно змѣѣ, во тьмѣ, такъ что нѣтъ возможности поразить ее!» Такая именно клевета, направленная на Пушкина, вползла въ семейную жизнь его и обвилась вокругъ него нерасторжимымъ кольцомъ. Отравляя его сердце, смущая его умъ, она предала его тяжкимъ мукамъ подавленнаго гнѣва и сознанія своей безпомощности противъ грязнаго вторженія празднаго злорѣчія въ «святая святыхъ» его души. Разорвать это кольцо и вернуть необходимое спокойствіе могъ бы одинъ лишь отъѣздъ изъ Петербурга и связанная съ этимъ новыя впечатлѣнія. Его манили Римъ, Византія и Іерусалимъ, о которыхъ онъ хотѣлъ бы написать поэму, онъ порывался даже въ далекій Китай. Но чловѣкъ, коварной и лицемерной дружбѣ котораго былъ довѣрчиво ввѣренъ государемъ Россіи ея первый поэтъ, держалъ его, какъ Прометея, прикованнымъ къ сѣрой и холодной петербургской скалѣ и предоставлялъ коршунамъ терзать его сердце, о которомъ самъ Пушкинъ уже говорилъ: «пора! пора! покоя сердце проситъ»... Нечистыя руки вооружили клеветническое перо, — и участь Пушкина была рѣшена. Но и тутъ нравственный образъ Пушкина ярко вспыхнулъ въ послѣдній разъ. Угасая, онъ не раздѣлилъ скорби Кочубея, которому пришлось «смерти кинуться въ объятья, не завѣщая никому вражды къ злодѣю своему», и потребовалъ отъ своего друга и секунданта Данзаса обѣщанія не мстить прощенному имъ Дантесу.

Вдумчиво касаясь общественныхъ язвъ и раскрывая ихъ, Пушкинъ искалъ и исцѣленія ихъ. Онъ сознавалъ, что не только

карающего, но и созидającego закона для этого недостаточно. Необходимо свободное развитіе духовныхъ силъ народа путемъ общественнаго воспитанія и истиннаго просвѣщенія. Отсутствие воспитанія воли, ума, характера всегда служить корнемъ многихъ золъ въ жизни личной; отсутствие просвѣщенія народа — источникъ зла въ жизни государственной. Чѣмъ шире будетъ разливаться послѣднее, тѣмъ лучше. Лишь лукавый льстецъ, по словамъ поэта, можетъ говорить, что «просвѣщенья плодъ — развратъ и нѣкій духъ мятежный». Напрасно относить какія бы то ни было людскія безумства къ избытку просвѣщенія: напротивъ, одно просвѣщеніе способно оградить отъ общественныхъ бѣдствій, — думалъ онъ и ссылался на многозначительныя слова манифеста 1826 года о гибельномъ влияніи не просвѣщенія, а *праздности ума*, болѣе вредной, чѣмъ праздность тѣлесныхъ силъ. Эта праздность ума и то, что мы «учились понемногу чему-нибудь и какъ-нибудь», то-есть, безъ всякой системы и опредѣленной цѣли — смущали его, такъ какъ, не давая прочныхъ основъ для житейскаго труда, ложились въ основу «тоскующей лѣни», для которой такъ часто единственнымъ занятіемъ въ постыдномъ «бездѣльѣ жизни праздной, какъ пѣснь рабовъ однообразной», являлись карты, «однообразная семья — все праздной скуки сыновья». Еще болѣе, чѣмъ несовершенство законовъ или отчужденность ихъ отъ жизни пугала его «сгущенная тьма предразсуждений» и поддерживающій ее «невѣжества губительный позоръ», не только кладущій постыдную тѣнь на общество, мирящееся съ нимъ, но зачастую и ведущій его къ гибели. Отсюда удивленіе Пушкина предъ Ломоносовымъ, этимъ «первымъ самобытнымъ подвижникомъ русскаго просвѣщенія»; отсюда его восхищеніе Петромъ, «самодержавною рукой смѣло сѣявшимъ просвѣщеніе»; отсюда увлекающая его картина, когда «раздался въ честь науки пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ!»

Безпощадная смерть рано похитила Пушкина. Онъ раздѣлилъ судьбу Рафаеля и Байрона, скончавшихся тоже на 37 году жизни. Онъ только больше ихъ выстрадалъ, прежде чѣмъ сомкнулъ

глаза на вѣки. Страдальческая кончина его почти обрадовала тѣхъ, кого онъ называлъ толпою, повергла въ глубокую скорбь тѣхъ, кто понималъ, *чего* лишилась Россія въ Пушкинѣ.

Пушкинъ погибъ, но не умеръ. Можно было разрушить его тѣлесную оболочку, но плоды его духа, его творческаго генія не поддаются смерти. Онъ самъ зналъ это, говоря въ пророческомъ предвидѣннѣ: «нѣтъ! весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ...» Звонъ его душевныхъ струнъ стоялъ надъ русскою землею непрерывно, то густѣя, то временно ослабѣвая подъ влiянiемъ злобы дня. Но взгляды односторонней оцѣнки и юношескаго задора, пробовавшаго колебать треножникъ «маленькаго, миленькаго Пушкина», прошли, «спадая ветхой чешуей», и 1880-ый годъ соединилъ у памятника въ Москвѣ, въ одномъ общемъ чувствѣ благодарнаго умиленiя, просвѣщенныхъ русскихъ людей самыхъ различныхъ направленiй. Тогда, казалось, безвременно погибшiй поэтъ простилъ русскому обществу съ высоты своего пьедестала его вольныя и невольныя по отношенiю къ себѣ прегрѣшенiя... Въ забытьѣ послѣднихъ тѣлесныхъ мукъ своихъ, свѣтлѣя и прозрѣвая духовно, онъ говорилъ Далю: «Ну, подымай же! пойдемъ же выше! выше!» И онъ идетъ все выше и выше въ русскомъ самосознанiи, поднимая его за собою, облагораживая его...

Гремящiй и чистый ключъ его поэзiи разлился по русской землѣ въ многоводную и широкую рѣку. Своимъ духовнымъ обликомъ Пушкинъ вѣщаетъ намъ о вѣчной красотѣ, о любви къ правдѣ, о милости къ падшимъ, о состраданiи. Онъ сказалъ: «Есть избранные судьбами людей священные друзья,—ихъ безсмертная семья неотразимыми лучами когда-нибудь насъ озаритъ...» Но кто же, если не онъ, принадлежитъ къ этой семьѣ? Его неотразимые лучи свѣтятъ надъ нами, онъ на школьной скамьѣ и въ тишинѣ семьи встрѣчаетъ нашу молодежь и учитъ ее, посвящая въ тайны русскаго языка, въ его невыразимую прелесть; онъ будитъ въ устающемъ сердцѣ старика вѣчныя чувства и память о лучшихъ порывахъ его молодой когда то

души! Недаромъ сказалъ ему Тютчевъ: «Тебя, какъ первую любовь, Россія сердце не забудетъ!» А кого нельзя забыть, тотъ не умираетъ. И кажется, что здѣсь, на праздникъ нашего духа и нашей справедливой гордости, въ средѣ Академіи Наукъ, присутствуетъ и онъ, ея славнѣйшій членъ, живой, подвижный, съ выразительнымъ лицомъ, въ густыхъ кудряхъ волосъ, съ печатью свѣтлой думы на челѣ, — и что сегодня его веселый, дѣтскій смѣхъ звучитъ особенно радостно, безъ затаенной ноты скорби, и прекрасные голубые глаза не имѣютъ повода темнѣть отъ боли и гнѣва... Такъ отдаленная звѣзда, уже прекративъ свое существованіе, продолжаетъ лить на землю свои чистые, свои плѣнительные лучи...

По окончаніи рѣчи А. О. Кони Августѣйшій Президентъ Академіи прочелъ слѣдующую телеграмму его высочества князя Николая Черногорскаго:

«Je viens avec bonheur m'associer aux sentiments de légitime orgueil, dont tous les coeurs vraiment slaves sont aujourd'hui pénétrés. Le grand Pouchkine est aussi une des plus pures gloires universelles, le monde étant la patrie des grands génies. Le jour qui, cent ans passés, l'a vu naître, évoque partout parmi nous un pieux souvenir de gratitude. Son poème consacré à la manière de combattre des Monténégrins, est recité ici dans la belle et riche langue du poète même par une jeunesse enthousiaste et reconnaissante, et nos écoles retentissent de son «Черногорцы? Что такое?» — Бонапарте спросилъ»; ce chant rappelle aussi les traditions sacrées de la communauté des épreuves et de la gloire qui unissent le Monténégro à la Sainte Russie. Vous, Monseigneur, veuillez être au milieu de la haute assemblée que Vous présidez l'interprète fidèle de notre admiration sans bornes pour la mémoire de l'illustre poète célébré aujourd'hui et Vous faire l'écho de ce cri de nos coeurs: «Hourrah! pour l'Empereur et la Russie et gloire à Pouchkine!»

«NICOLAS».

Кромѣ того, Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ прочтены телеграммы, полученныя Академіей ко дню чествованія памяти Пушкина: отъ русской делегаціи на конференціи мира, русскихъ миссій и колоній въ Гаагѣ, Сербской королевской академіи, соединенныхъ литературныхъ обществъ въ Веймарѣ, Чешской академіи наукъ, словесности и искусствъ императора Франца-Іосифа и Общества любителей російской словесности.

Собраніе закончилось исполненіемъ слѣдующей кантаты на юбилей Пушкина, слова К. Р., музыка А. К. Глазунова.

«Мы многолюдною толпою
Соплился здѣсь на торжество
Единодушною семьею
Сегодня чествовать того,
Кто въ этотъ день веселый мая,
Тому назадъ уже сто лѣтъ,
Невинной прелестью плѣняя
Узрѣлъ впервые Божій свѣтъ.

«У этой тихой колыбели
Кто угадать бы могъ впередъ,
Къ какой высокой, славной цѣли
Судьба младенца поведетъ!
Дитя крылами осѣняя,
Быть можетъ, ангель навѣвалъ
Ему святыя пѣсни рая
И грезы неба навѣвалъ.

«Міровъ надзвѣздныхъ откровеньямъ
Немолчно вторилъ міръ земной,
И все дышало восхищеньемъ,
Завороженное весной.
Дитя воспѣли щебетаньемъ
Птицъ перелетныхъ голоса
И воды вешнія журчаньемъ
И листьевъ шелестомъ лѣса.
То пѣнье смутно раздавалось
Въ душѣ младенца, какъ во спѣ;

Въ ней словно таинство свершалось,
И зрѣли пѣсни въ тишинѣ.

«Прошли младенческіе годы....
Кладъ этихъ звуковъ, этихъ грѣзъ
Сквозь жизни бури и невзгоды
Пѣвецъ въ душѣ своей пронесъ.
Его ужъ нѣтъ.... Но дивныхъ пѣсней
Не позабыть сердцамъ людей:
Онѣ звучать имъ все прелестнѣй
И все ихъ трогаютъ живѣй.

«Отъ заботъ земли унылой,
Отъ тревогъ и суеты
Насъ невѣдомою силой
Въ вихрь пѣсенъ уносило
Въ неземныя высоты.
Сколько радостныхъ мгновений
Подарилъ ты намъ, поэтъ!
Сколько чистыхъ наслаждений,
Сколько радужныхъ видѣній
И какой небесный свѣтъ

«Сладкозвучнымъ роемъ пѣсенъ
Пролилъ ты въ сердца людей!
Какъ могучъ, какъ безтѣлесенъ,
Какъ божественно чудесенъ
Міръ поэзіи твоей!

«Вѣчно, славный безъ сравненія,
Въ сердцахъ нашемъ ты живи!
И тебѣ мы въ умиленьѣ
Платимъ дань благодаренья,
Дань восторга и любви».

Кантата была исполнена артистами Императорской русской оперы М. И. Горленко-Долиной и И. В. Ершовымъ и хоромъ русской оперы съ аккомпаниментомъ придворнаго музыкальнаго оркестра.

Кромѣ вышеприведенныхъ телеграммъ, Императорской Академіей Наукъ получены слѣдующія привѣтствія отъ различныхъ русскихъ ученыхъ учреждений, высшихъ учебныхъ заведеній, ученыхъ обществъ частныхъ лицъ, а также изъ-за границы.

Казань.

Императорскій Казанскій Университетъ привѣтствуетъ Императорскую Академію Наукъ съ столѣтіемъ дня рожденія великаго русскаго писателя.

Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!
Ты, солнце святое, горн!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зарн,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

Ректоръ Университета *Ворошиловъ*.

Кіевъ.

Университетъ св. Владиміра шлетъ Императорской Академіи Наукъ, старѣйшей и достойнѣйшей хранительницѣ славныхъ преданій русской литературы, привѣтствіе со свѣтлымъ праздникомъ чествованія ея прославленнаго сочлена Пушкина, величайшаго русскаго поэта добрыхъ чувствъ и прелести живой стиховъ.

Ректоръ *Фортинскій*.

Одесса.

Императорскій Новороссійскій Университетъ совмѣстно съ учреждениями и обществами города Одессы, гордой своимъ особеннымъ правомъ на участіе въ историческомъ днѣ общерусскаго празднества столѣтней годовщины рожденія властителя русскихъ думъ и русскаго слова, привѣтствуетъ въ лицѣ Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ счастливаго осуществителя завѣтовъ Академіи — Пушкина, ревниваго оберегателя славы и гордости Россіи.

Ректоръ *Шведовъ*.

Варшава.

Столѣтняя годовщина рожденія Александра Сергѣевича Пушкина соединяетъ всю образованную Россію въ торжественномъ чествованіи его памяти; но и въ широкихъ предѣлахъ прочаго славянства и далеко за ними проносится нынѣ свѣтлый образъ поэта и прославляются плѣнительные звуки его лиры. Императорскій Варшавскій Университетъ, какъ главный представитель просвѣщенія на западномъ рубежѣ нашей государственности, посвящая нынѣшній день празднованію величайшаго художника русскаго слова, привѣтствуетъ Императорскую Академію Наукъ, какъ блюстительницу лучшихъ преданій русской литературы и хранительницу заветныхъ идеаловъ Пушкинскаго творчества.

Ректоръ Университета *Земеръ*.

Юрьевъ.

Въ знаменательный день всероссійскаго торжества Юрьевскій Университетъ присоединяется къ чествованію столѣтней памяти великаго генія нашей земли.

И. д. директора *Озе*.

Гельсингфорсъ.

Гельсингфорскій Университетъ, называемый финляндцами сердцемъ финскаго народа, шлетъ свой привѣтъ русскому народу въ день великаго праздника русской мысли.

Финляндія сливается съ Россіею въ общей молитвѣ и благоговѣйномъ преклопеніи предъ памятью поэта, чей стихъ, какъ Божій духъ, носится надъ русскимъ народомъ, пробуждая чувства добрыя.

«Эхо» русскаго народа широко и гулко отдается среди финскихъ скалъ, и вся природа Финляндіи вторитъ вѣщимъ словамъ поэта:

.... Лишь тамъ не слышится людей стenanье,
Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье.

Какъ въ словахъ этихъ запечатлѣно все значеніе, весь смыслъ жизни народа, такъ кроткое, гуманное чувство — прелесть

и красота личной жизни — разлито по всей дивной поэзии Пушкина, поражающей воображение и чувство возвышенностью настроенія, задушевностью чувства, богатством картинъ, красотою образовъ и изумительною роскошью языка при небываломъ изяществѣ русской рѣчи.

Благословенна страна, давшая человечеству поэта, о которомъ слава будетъ вѣдти

Пока въ подлунномъ мірѣ живъ будетъ хоть одинъ пѣтъ,
и у чьего гробового входа вѣчно

Младая будетъ жизнь играть.

Въ качествѣ депутата отъ Гельсингфорса профессоръ Гельсингфорскаго Университета

Г. Манделштамъ.

С.-Петербургъ.

Императорская Военно-медицинская Академія, движимая чувствомъ высокаго уваженія къ имени Александра Сергѣевича Пушкина, всецѣло присоединяется къ чествованію памяти великаго русскаго поэта, своимъ гениемъ навѣки завоевавшаго русскому имени равноправное мѣсто среди семьи великихъ писателей всего міра.

Начальникъ Академіи *Пашутинъ.*

С.-Петербургъ.

Императорское Русское Музыкальное Общество, какъ представитель русскаго музыкальнаго искусства, не можетъ оставаться равнодушнымъ при чествованіи памяти великаго А. С. Пушкина, имѣвшаго большое вліяніе на развитіе оперной и вокальной музыки въ Россіи.

Красота и музыкальность стиха, ясность и сердечность мысли, краткость и простота выраженій, художественность и національность содержанія сдѣлали произведенія Пушкина неизсякаемою сокровищницею для композиторовъ.

Около пятнадцати русских оперъ написаны на тексты, взятые у Пушкина; въ числѣ ихъ: «Русланъ и Людмила» Глинки; «Русалка» и «Каменный Гость» Даргомыжскаго; «Мазепа», «Евгеній Онѣгинъ» и «Пиковая Дама» Чайковскаго; «Дубровский» Направника; «Моцартъ и Сальери» Римскаго-Корсакова; «Борисъ Годуновъ» Мусоргскаго, «Кавказскій плѣнникъ» Кюи.

Творчествомъ Пушкина вдохновлены безчисленные романсы многихъ русскихъ композиторовъ.

Русская музыка съ благодарностью и благоговѣніемъ приписитъ сегодня и свой вѣнокъ на всеобщій русскій праздникъ воспоминанія о славномъ поэтѣ и писателѣ, пѣвцѣ человѣколюбія, мира и любви.

Предсѣдатель Общества *Александра I.*

Сенаторъ *Авг. Герке.*

Москва.

Московскій Публичный и Румянцовскій Музеи, гордясь славою Россіи въ предстоящемъ столѣтнемъ юбилейѣ дня рожденія великаго поэта, привѣтствуютъ высшее ученое учрежденіе Россіи съ всенароднымъ праздникомъ просвѣщенія, въ ознаменованіе котораго избрали редактора новаго изданія сочиненій Пушкина, Вице-президента Академіи Майкова своимъ почетнымъ членомъ.

Директоръ *Веневитиновъ.*

Москва.

Въ сотую годовщину рожденія Пушкина, въ день великаго праздника національной мысли и творчества, Общество Любителей Россійской Словесности шлетъ радостный привѣтъ Академіи Наукъ, соединяясь съ ней въ чувствѣ всенароднаго ликованія и выражая горячую надежду на непрестанные и прочные успѣхи музъ и разума въ отечествѣ Пушкина.

С.-Петербургъ.

Въ свѣтлый праздникъ русскаго слова и русской мысли, когда вся Русь, отъ царскаго дворца да далекой сельской школы,

единодушно чувствуетъ мощное проявленіе русскаго національнаго духа въ лицѣ своего перваго поэта, учителя и учительницы русскаго языка и словесности не могутъ оставаться нѣмыми и безучастными. Пушкинъ дорогъ намъ, какъ свѣтлый моментъ въ исторіи нашего общественнаго и литературнаго развитія, выразитель русскаго народнаго самосознанія, провозвѣстникъ нравственной свободы личности. Онъ завѣщалъ намъ высокій нравственный идеалъ: неуклонное стремленіе къ истинѣ и добру и вѣру въ свѣтлое будущее, которая не покидала его въ самыя тяжелыя минуты жизни. «Великій художникъ, солнце нашей поэзіи», «необычайное явленіе русскаго народнаго духа», Пушкинъ не нуждается въ нашихъ похвалахъ при томъ благоговѣніи, съ которымъ относились къ нему не только великіе представители русскаго слова: Лермонтовъ, Гоголь, Бѣлинскій, Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, но и вся читающая Русь, «всякъ сущій въ ней языкъ». Какъ творчество, «поэзія—страсть немногихъ», писалъ Пушкинъ, «она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія жизни», но воспріятіе поэзіи доступно всѣмъ: и ребенку, и старцу, и вельможѣ, и простолудину, и философу, и простецу, и въ этомъ заключается ея глубокое непреходящее нравственно-воспитательное значеніе. Пушкинъ справедливо называлъ себя выразителемъ народныхъ идеаловъ въ словахъ: «неподкупный голосъ мой былъ эхо русскаго народа».

И какъ эхо, Пушкинъ указалъ намъ многія сокровища роднаго языка, скрытыя дотолѣ въ тайникахъ народнаго духа. Онъ возвелъ ихъ въ безцѣнные перлы русской художественной рѣчи и создалъ несравненную изобразительность и музыкальность стиха, по справедливости получившаго названіе «пушкинскаго».

Въ этой гармоніи звуковъ только одна природа могла соперничать съ нимъ, что и выразилъ поэтъ словами:

Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, плъ вихорь буйный,
Иль пволги напѣвъ живой,

Иль ночью моря гуль глухой,
Иль шопоть рѣчки тихоструйной.

За высокочеловѣчный характеръ его безсмертныхъ произведеній, за нравственную силу, которую почерпаетъ въ нихъ наша родная школа, за совершеннѣйшіе образцы русской художественной рѣчи, мы, учителя и учительницы русскаго языка и словесности города Петербурга, считаемъ своимъ священнымъ долгомъ присоединить и нашъ слабый голосъ къ хору общей благоговѣйной благодарности, которой окружаетъ память своего великаго поэта и учителя русскій народъ во всѣхъ концахъ нашей земли въ день столѣтія со дня его рожденія.

*К. Шубина, И. Шляпкинъ, А. Филоновъ, П. Вят-
тинскій, А. Бардовскій, М. Штромъ, Н. Чехова,
Н. Сперанскій, В. Раппапортъ, В. Сиповскій, М. Г.
Баумгардтъ, М. Протопоповъ, В. Г. Вознесенскій,
М. Ратьковъ, В. Чернышевъ, В. Болдановъ, К. Шоро-
ховъ, Н. Кульманъ, А. Васильевъ, П. Палецкій,
М. Захарченко, М. Манакина, Н. Балаевъ, Е. Пан-
кратѣва, М. И. Черниковъ, Ю. Вьюкова, Юрій
Цвѣтковскій, С. Григорьева, Л. Бунакова, Н. Козминъ,
М. Е. Доброписцевъ, А. Бороздинъ, Л. Ускова,
А. Антоновъ, З. Н. Соколова, Е. В. Панина, Ю. Ле-
витская, Е. Марковина, В. Гербачъ, Н. Позняковъ,
Н. Невзоровъ, Ѳ. Матѣевъ, В. Срезневскій, К. Ара-
басинъ, В. Куницкій, Н. Прытковъ, В. Байкова,
С. Карпинская, А. Гласовъ, И. Тихонравовъ, Н. Де-
мидовъ, О. Петерсонъ, М. Амосова, В. Кирьева,
Н. Чурилинъ, Г. Конъ, А. Васильевъ, В. Гардеръ,
З. Асоченская, Н. Гринцевинъ, Ал. Острогорскій,
Ф. Витбергъ, А. Соколовъ, М. Полунина, В. П.
Дитлова, Ис. Сокр. Ремезовъ, Н. Юсса, рожденная
Лихонина, Чупина, Головина, О. Борзенкова, Михай-
лова, Дементьева, Ю. Боголюбская, Путанкина, Бо-*

гаевская, Погребова, Бостремъ, Рѣпина, Полянская, Юревичъ, Ялозо, О. Галанина, Климовская, Парская, Александрова, А. Моралева, Вл. Орловъ, Ф. Панова, Ел. Ясковичъ, М. Аскоченская, А. Ляпина, М. И. Шевнина, А. Суровцевъ, М. Орловъ, В. Сертьева, Мих. Уверскій, М. Трофимовъ, Л. Пелль, С. Переселенковъ, М. Фаварекъ, Н. Соболевъ, С. Хлапонинъ, Казаницева, Юмудская, Климовская - Баршевская, Любосникова, Кеневичъ, Архіереева, Ласъ, Ю. Младенцева, А. Румянцева, Н. Снѣткова, Э. Полоскова, Дубровина, Лукьянова, Ан. Львова, Перова, Гвинѣва, Зоя Лебедева, М. Андрэ, Н. Ильина, А. Саковичъ, Орлова, А. Тутукина, Онацевичъ, С. Архангельскій, Н. Дюковъ, М. Полянский, Е. Маевская, П. Красноярскій, Г. Князевъ, А. Крулѣй, В. Павловъ, Н. А. Ильина, П. Львовъ, В. Варминскій, А. Зацаренная, В. Шильдеръ, А. Рыкачева, А. Субботина, Н. Карцовъ.

С.-Петербургъ.

Вся Россія одушевленно чествуетъ память великаго русскаго поэта, Александра Сергѣевича Пушкина. Русское Общество, значить, сознаетъ, какъ много повліяли на его развитіе изящныя, чуткія ко всему человѣческому и всегда истинно русскія, исполненныя высокаго духа творенія Пушкина.

Мы, педагоги, видимъ, какъ сильно воспитательное вліяніе Пушкина на учащихся, радуемся и гордимся, что должны передавать его силу молодымъ поколѣніямъ.

Привѣтствуемъ и желаемъ широкаго просвѣщенія Пушкинскому Отдѣленію Академіи.

Редакція «Русскаго Начальнаго Учителя».

Симферополь.

Чествуя сегодня въ торжественномъ засѣданіи память А. С. Пушкина, объединившаго пылѣ всю Россію во имя русскаго

слова, русскаго генія русской культуры, Таврическая Ученая Архивная Коммиссія считаетъ долгомъ принести свое почтительное поздравленіе съ настоящимъ всероссійскимъ торжествомъ высшему просвѣдительному учрежденію Россіи, членомъ котораго былъ и нашъ великій поэтъ.

Предсѣдатель *Илинъ*.

Иркутскъ.

Восточно - Сибирскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, чествуя память русскаго народнаго поэта, шлетъ привѣтствія Академіи.

Распорядительный Комитетъ.

Иркутскъ.

«Восточное Обозрѣніе» присоединяетъ и свой скромный голосъ къ всероссійскому торжеству чествованія памяти поэта и борца за русское слово.

Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

Редакторъ *Поповъ*.

Варшава.

Чествуя память великаго генія русской земли, Педагогическій Комитетъ трехъ-класснаго Варшавскаго Комерческаго Училища, учрежденнаго Ф. Лякусъ, послѣ торжественнаго акта, устроеннаго по случаю сегодняшняго юбилея, привѣтствуетъ высшее въ Россіи ученое учрежденіе съ симъ знаменательнымъ днемъ.

Лякусъ. — Шафрановъ.

Варшава.

Не имѣя возможности участвовать личнымъ представительствомъ въ сегодняшнемъ торжествѣ, редація «Варшавскаго Дневника» замѣняетъ таковое привѣтственной телеграммой.

Редакторъ *Тимановскій*.

Серпуховъ.

Сердечно, тѣснымъ кружкомъ чествуя память великаго

поэта, просимъ внести наше привѣтствіе во всемірный вѣнокъ славы генію.

Серпуховское собраніе любителей драматическаго искусства.

Иркутскъ.

Иркутское Общество любителей музыки и литературы, чувствуя память великаго поэта двумя музыкально-литературными вечерами, единогласно присоединяется къ ликованіямъ всего русскаго народа.

Представитель правленія *Оглоблинъ*.

Калуга.

На родинѣ жены великаго русскаго поэта А. С. Пушкина, вознеся моленія за упокой души его на торжественной панихидѣ, чувствуя актомъ и рядомъ празднествъ столѣтіе со дня его рожденія и задавшись мыслию увѣковѣчить въ Калугѣ учрежденіемъ народнаго дома съ просвѣтительными цѣлями имя его, все Калужское общество приносить высшему хранилищу отечественной науки дань глубокаго уваженія славной памяти того, котораго пынѣ чествуетъ вся Россія.

Почетные предсѣдатели Пушкинскаго комитета: епископъ *Макарій*, губернаторъ *Офросимовъ*, генералъ-лейтенантъ *Озеровъ*, губернской предводитель *Яновскій*, предсѣдатель комитета *Кашкинъ*.

Глазовъ.

Комитетъ по устройству Пушкинскихъ юбилейныхъ торжествъ въ Глазовѣ, Вятской губерніи, присоединяясь мысленно ко всей Россіи, приносить свое поздравленіе русскому святилищу науки съ открытіемъ отдѣла, связаннаго съ именемъ незабвеннаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина, славы и гордости Россіи!

Предсѣдатель комитета *Андреевъ*.

С. Полана.

Небольшое общество села Полана, Глазовскаго уѣзда, отслу-

живъ сегодня панихиду по нашему великомъ поэтѣ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ, привѣтствуетъ Академію съ сегодняшнимъ праздникомъ русской литературы, значеніе котораго сознается вездѣ. Да здравствуетъ русская литература, да умножатся у насъ поэты, пробуждающіе своей музой чувства добрыя въ народѣ!

Земскій начальникъ *Несмѣловъ*; лѣсничій *Смыковъ*; лѣсной кондукторъ *Ивановъ*; врачъ *Толмачевъ*; священникъ *Князевъ*; лѣсной ревизоръ *Рыбакъ*; священникъ *Бычковъ*; псаломщикъ *Филимоновъ*; акцизный надсмотрщикъ *Шубинъ*; почтовый начальникъ *Иньковъ*; діаконъ *Снегиревъ*; фельдшеръ *Бокаревъ*; фельдшерица *Лекомцева*; помощникъ лѣсничаго *Кравцовъ*; старшина *Русскихъ*; писарь *Есиповъ*; крестьяне: *Петръ Верещанинъ*, *Ефимъ Бабкинъ*, *Василій Бородинъ*, *Козьма Верещанинъ*, *Федоръ Вахрушевъ*.

Холмогоры.

Комитетъ Холмогорской читальни имени Ломоносова присоединяется къ празднованію столѣтней годовщины рожденія гениальнаго русскаго поэта, шлетъ съ родины сына рыбака выраженіе глубокаго почтенія къ памяти безсмертнаго Александра Сергѣевича Пушкина, славы и гордости Россіи.

Предсѣдатель врачъ *Бобровъ*.

Уфа.

Озnamenовавъ столѣтіе со дня рожденія Александра Сергѣевича Пушкина учрежденіемъ стипендіи его имени на содержаніе воспитанника при одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній, Уфимское дворянство отъ всей души присоединяется сегодня къ всероссійскому торжеству чествованія памяти гениальнаго народнаго поэта.

Предводитель князь *Кугуневъ*.

Бугульма.

26 и 27 мая явились свѣтлыми проблесками среди мрачныхъ испытаній бѣдственной години. Во всѣхъ училищахъ эти дни

ознаменованы, по мѣрѣ мѣстныхъ истощенныхъ средствъ, не-
большими празднествами съ раздачей сочиненій великаго поэта.
Въ городѣ Бугульмѣ мѣстнымъ попечительствомъ трезвости
учреждена Пушкинская бесплатная библіотека-читальня.

Предводитель дворянства *Мордвиновъ*.

Кострома.

Городское общественное управленіе, мысленно участвуя
вмѣстѣ съ Академіей на всероссійскомъ праздникѣ Россійскаго
искусства, съ глубокою скорбію вспоминаетъ о безвременно
погибшемъ поэтѣ А. С. Пушкинѣ и желаетъ Академіи съ успѣ-
хомъ служить наукѣ и искусству на честь Россіи и славу рус-
скому генію. Vivat, crescat, floreat Academia!

Костромской городской голова *Ботниковъ*.

Симбирскъ.

Родина Карамзина, Тургеневыхъ, Дмитріева и Языкова въ
знаменательный день столѣтія годовщины рожденія Пушкина
единодушно со всей Россіей чествуетъ память величайшаго
нашего поэта.

Поздравляющие: вице-губернаторъ *Наумовъ*, гу-
бернскій предводитель дворянства *Полисановъ*, пред-
сѣдатель Губернской Земской Управы *Андреевскій*
и симбирскій городской голова *Балакиричиковъ*.

Самара.

Самарская Губернская Земская Управа, согласно постанов-
ленію Губернскаго Земскаго Собранія присоединяясь къ чество-
ванію славной памяти величайшаго изъ русскихъ поэтовъ, про-
ситъ Академію Наукъ принять отъ Самарскаго Губернскаго
Земства его горячія привѣтствія. Вѣчная память, вѣчная слава
тому, кто такъ много сдѣлалъ для родной литературы, кто
«чувства добрыя» въ сердцахъ людей будилъ, кто «милость къ

падшимъ призывалъ», кто въ дивныхъ формахъ воспѣвалъ стремленія къ любви, свѣту и правдѣ.

Предсѣдатель Управы *Карамзинъ*.

Самара.

Сегодня имя Пушкина гремитъ по всей Руси великой и хвалитъ его всякъ сущій въ ней языкъ; и городъ Самара присоединяетъ свой голосъ къ хору русскихъ городовъ и селеній, прославляющихъ поэта. Вѣчная память его свѣтлой, могучей личности, вѣчная жизнь свѣтлымъ созданіямъ его всеобъемлющаго гения!

Городской голова *Араповъ*; предсѣдатель Училищной Коммисіи *Пономаревъ*.

Екатеринославъ.

Екатеринославъ чтитъ память великаго поэта Пушкина, гордости родной земли, и присоединяется ко всей Россіи въ выраженіи чувствъ благоговѣнія къ нему.

Городская Пушкинская Коммисія: *Гололобовъ, Лапшинъ, Вукашевъ, Покровский, Сахаровъ, А. Яворскій, С. Кацъ*.

Уфа.

Уфимское Губернское Земство, высоко чтя славу родной земли, съ глубоко искреннимъ чувствомъ присоединяется къ чествованію всей Россіи памяти великаго и незабвеннаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина.

Предсѣдатель *Новиковъ*; члены управы: *Балашевъ и Курушевъ*.

Вятка.

Представители Вятскаго Городскаго Общественнаго Управленія, чествуя въ своемъ городѣ память великаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина, душевно присоединяются къ общероссійскому торжеству.

Городской голова *Поскребышевъ*.

Кіевъ.

Русское студенчество Кіевского Университета св. Владимира присоединяетъ свой восторженный кликъ къ славѣ, несущейся со всѣхъ концовъ необъятной Россіи, Пушкину, пѣвцу свободы и любви.

Конотопъ.

Приносимъ почтительныя привѣтствія съ вѣковымъ юбилеемъ Пушкина. Чтимъ и любимъ вдохновеннаго вождя русскихъ поэтовъ, который передалъ намъ чарующимъ словомъ впечатлѣнія свои отъ природы, исторіи и жизни. Вѣримъ, что «его стиховъ плѣнительная сладость пройдетъ вѣковы завистливую даль». Сердечной молитвой поминаемъ человѣка, «что чувства добрыя лпрой пробуждалъ» и «милость къ падшимъ призывалъ».

Конотопы.

Короча.

Отъ имени почившей писательницы Кохановской, благоговѣвшей предъ великимъ Пушкинымъ, приписать скромный привѣтъ племянница ея

Марія Красноскулова.

Иркутскъ.

Иркутская польская колонія всѣмъ сердцемъ присоединяется къ ликованіямъ русскаго народа въ чествованіи столѣтняго юбилея дня рожденія великаго поэта.

Рыхлинскій. Цимерскій. Хлопичій. Корычій. Тренко. Боенисъ. Читевскій. Летки. Заленскій. Калусовскій. Ромбинскій. Ясинскій. Тамулевичъ. Сегетинскій. Галинскій. Билевичъ. Вонзоровичъ. Добковичъ. Кучерскій. Минкевичъ. Германъ. Кульскій. Кибартъ. Гомулинскій. Божникъ. Томашевскій. Горскій. Горайскій. Домбровскій. Киселевскій. Выховскій. Камоцкій. Гурскій. Зеленскій.

Иркутскъ.

Почтивъ устройствомъ Пушкинскаго праздника память вели-

каго поэта, Иркутское общество взаимопомощи приказчиковъ присоединяется къ всероссійскому чествованію.

Правленіе общества.

Изъ славянскихъ земель и вообще изъ-за границы получены слѣдующіе адреса и телеграммы:

Прага.

Česká Akademie Císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění oslavuje s veškerým národem svaté Rusi i s veškerým Slovanstvem velepamátný stý rok jubilejní narozenin krále poetů ruských, knížete básníků světových, Bohem vyvoleného věštce krásy, nesmrtelného pěvce svého lidu, Alexandra Puškina, jehož genius v posvátném zanícení veškerou objal otčinu, osvobodil elementární svérázností v poutech domnělého klasicismu sevřenou poesii a vdechl jí duši národní; jenž ve vznešených tvorbách svých zobrazil ducha, «černozemní» bujarost i mravní sílu ruského lidu a z jeho písně vypěstil nádherně zkvétající štěp slovesné krásy, plný lahodných plodů a líbezné vůně; z jehož srdce vytryskla zlatá záře národního vědomí a osvětila cestu všem, kdo hoříce pro krásu, pravdu a posvátné otcův odkazy, posvětili život svůj umění a vlasti.

Akademie Česká, přinášejíc vroucí hold úcty geniů Puškinovu, jehož živým zdrojem poesie osvěžily se nejen planoucí duše pěvců ruských, ale i českých a slovanských vůbec, velebí v oslavenci vznešený vzor národního básníka a volá nadšeně k bratrskému národu ruskému: Sláva nehynoucí, sláva věčná budiž Alexandru Puškinu, jeho velikým myšlenkám, jeho manům, jeho rodné zemi a veškerému Slovanstvu!

V Praze, dne 26 Května 1899. Z praesidia České Akademie Císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění: Praesident České Akademie *Josef Hlávka*. Zástupce předsedy IV třídy *Alois Jirásek*. Sekretář IV třídy *Jar. Verklický*. Za Generálního Sekretáře D-r *Boh. Rajman*.

Чешская Академія императора Франца-Иосифа для наукъ, словесности и искусства славить со всѣмъ народомъ святой Руси и со всѣмъ славянствомъ достопамятный сотый юбилейный годъ рожденія короля поэтовъ русскихъ, князя міровыхъ поэтовъ, Богомъ избраннаго провозвѣстника красоты, безсмертнаго пѣвца своего народа Александра Пушкина, чей геній въ священномъ пламени обнялъ все отечество, освободилъ первобытную своеобразность поэзіи, заключенную въ оковахъ ложнаго классицизма, и вдохнулъ ей народную душу, — который въ своихъ высокихъ созданіяхъ изобразилъ духъ, «черноземную» юношескую отвагу и нравственную силу русскаго народа и изъ его пѣсень воспиталъ роскошно распускающееся растеніе словесной красоты, полное сладкихъ плодовъ и пѣжнаго благоуханія, — изъ чьего сердца возшла золотая заря народнаго сознанія и освѣтила путь всѣмъ, кто, пламенѣя къ красотѣ, правдѣ и священнымъ завѣтамъ отцовъ, посвятилъ свою жизнь искусству и родинѣ.

Чешская Академія, принеся дань горячаго почитанія генію Пушкина, живымъ источникомъ поэзіи котораго освѣжилась духовная жажда не только русскихъ пѣвцовъ, но и пѣвцовъ чешскихъ и славянскихъ вообще, высоко чтитъ въ прославляемомъ поэтѣ возвышенный образецъ народнаго пѣвца и съ восторгомъ взываетъ къ братскому русскому народу: «Да будетъ слава негнущая, вѣчная слава Александру Пушкину, его великимъ мыслямъ, его завѣтамъ, его родной землѣ и всему славянству!»

Въ Прагѣ, 26 мая 1899 г. Отъ лица Чешской Академіи императора Франца-Иосифа для наукъ, словесности и искусства: президентъ Чешской Академіи *Иосифъ Главка*, товарищъ предсѣдателя IV Отдѣленія *Алоисъ Ирсекезъ*, секретарь IV Отдѣленія *Яр. Верхлицкій*, за генеральнаго секретаря д-ръ *Бог. Райманъ*.

Бѣлградъ.

Королевская Сербская Академія, отзываясь на любезное при-

глашеніе Императорской Академіи Наукъ, возложила на сербскаго посланника порученіе быть ея представителемъ при сегоднѣшнемъ торжествѣ въ память великаго русскаго поэта Пушкина.

Исполняя сію почетную миссію, молодая Сербская Академія передаетъ старшей ея императорской подругѣ почтительный поклонъ съ искренними пожеланіями, чтобы славянскій духъ великаго поэта укрѣплялъ все больше культурное единеніе между братскимъ сербскимъ и великимъ русскимъ народомъ.

Сербская Академія, воодушевленная желаніемъ быть всегда въ неразрывной связи съ Императорской Академіей на поприщѣ ихъ культурныхъ задачъ, присоединяется къ сегоднѣшнему чествованію столѣтняго дня рожденія Пушкина, который былъ не только великій мастеръ русскаго слова и великій мыслитель, но и великій славянинъ, чей поэтическій геній достойно оцѣнилъ и значеніе сербской народной поэзіи.

Отъ имени Сербской Академіи честь и слава памяти великаго поэта!

Почетный членъ Сербской Королевской Академіи генералъ *Савва Груичъ*.

Загребъ.

Veleslavna imperatorska akademijo naukâ!

Podpisana akademija, počašćena priposlanom obavijestju, da će veleslavna akademija naukâ slaviti dne 26 svibnja (p. st.) o. g. stogodišnjicu rođenja velikoga ruskoga pjesnika Aleksandra Sergeviča Puškina svetčanom sjednicom svojom, najuljudnije moli veleslavnu imperatorsku akademiju naukâ, da bi blagoizvoljela primiti najiskrenije čestitanje podpisane akademije k velebuoj svetkovini.

I u svojem krugu slaviti će podpisana akademija uspomenu veleumnoga ruskoga pjesnika skromnim, ali iskrenim načinom, tako, da će na dan 26 svibnja po st., ili 7 lipnja p. n. u sjednici njezinoj čitati akademik profesor dr. Milivoj Šrepel razpravu o

velikom ruskom pjesniku, i prikazati navlastito utjecaj Puškinova genija na hrvatske pjesnike ter ocieniti hrvatske prevode glavnih pjesničkih umotvora njegovih.

Podjedno je podpisana akademija zamolila visoko uglednu gospodu u Petrogradu, naime počasnoga člana svoga p. n. gospodina Arista Aristoviča Kunika i svoga člana dopisnika p. n. gospodina Aleksandra Nikolajeviča Veselovskoga, da bi izvoljeli zastupati ovu akademiju kod svetčanosti genijalnoga ruskoga pjesnika, kojemu sa hrvatskih obala Save kličemo slavu.

U Zagrebu, dne 31 svibnja (p. n.) 1899.

Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.
Predsjednik: *Jos. Torbar*. Književni tajnik: D-r *Franjo Marković*.

Достославная Императорская Академія Наукъ!

Югославянская Академія, оповѣщенная о томъ, что досто-почтенная Академія Наукъ намѣрена праздновать 26 мая (по стар. календарю) столѣтіе рожденія великаго русскаго пѣвца Александра Сергѣевича Пушкина торжественнымъ засѣданіемъ своимъ, проситъ достославную Академію Наукъ принять искреннее поздравленіе съ торжественнымъ праздникомъ. И въ своемъ кругу нижеподписавшаяся Академія намѣрена праздновать память «велеумнаго русскаго пѣвца» скромнымъ, но искреннимъ способомъ, а именно тѣмъ, что 26 мая стар. ст. или 7 іюня н. ст. въ засѣданіи ея читать будетъ академикъ-профессоръ докторъ Мпливой Шрепель изслѣдованіе о великомъ русскомъ поэтѣ, въ которомъ укажетъ, какое главнымъ образомъ вліяніе геній Пушкина оказалъ на хорватскихъ поэтовъ, и оцѣнитъ хорватскіе переводы главнѣйшихъ поэтическихъ произведеній его.

Одновременно Югославянская Академія просила почетнаго своего члена Ариста Аристовича Куника и своего члена корреспондента Александра Николаевича Веселовскаго, чтобы они позволили заступить оную академію на торжествѣ геніальнаго

русского поэта, которому съ хорватскихъ береговъ рѣки Савы посылаемъ громкое «Слава».

Въ Загребѣ, 31 мая (ст. ст.) 1899 года.

Югославянской Академіи Наукъ и Художествъ
предсѣдатель *Иосифъ Торбаръ*, секретарь д-ръ *Франьо
Марковичъ*.

Краковъ.

Zawiadomiona przez Cesarską Akademię Nauk o obchodzie stoletniej rocznicy urodzin Puszkina, Cesarska Akademia umiejętności w Krakowie przesyła wyraz rzetelnego uznania i podziwu, jaki genialnej twórczości poetyckiej i zasługom literackim należy się od wszystkich oświeconych ludzi i narodów a w pierwszym rzędzie od ciał naukowych.

Prezes *Stanisław Tarnowski*. Sekretarz generalny
Stanisław Smolka.

Императорская Академія Наукъ въ Краковѣ, увѣдомленная о празднованіи столѣтней годовщины рожденія Пушкина, посылаетъ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ выраженіе искренняго признанія и благоговѣйнаго изумленія, которое подобаетъ его геніальному поэтическому творчеству и литературнымъ его заслугамъ какъ отъ имени всѣхъ образованныхъ людей и народовъ, такъ въ особенности и на первомъ ряду отъ имени ученыхъ корпорацій.

Президентъ *Станиславъ Тарновскій*. Генеральный секретарь *Станиславъ Смолка*.

Львовъ.

Українско Руско Наукове Товариство Імени Шевченка у Львові засилає свій привіт на велике свято братнього великоруского народа в соти роковини уродил великого поета, батька нової великорускої літератури. Бажаємо братам Великорусам і всім народам Росії успішного розвою в дорозі свободи, вказаній генієм Пушкина.

За товариство секретар *Володимир Гнатюк*.

Прага.

Velikého genia Alexandra Sergějeviče Puškina s bratrským národem ruským oslavuje Královská Česká Společnost Nauk v Praze.

V. V. Tomek.

Чешское Королевское Общество Наукъ въ Прагѣ вмѣстѣ съ братскимъ русскимъ народомъ прославляетъ великій геній Александра Сергѣевича Пушкина.

B. B. Tomekz.

Прага.

Společnost Musea Království Českého zasílá ku slavnosti stých narozenin velikého pěvce Alexandra Sergějeviče Puškina svůj nejvřelejší nadšený pozdrav. Světlý genius tvůrce «Eugena Oněgina» nechť věčně září svaté Rusi na cestě k ideálním statkům všeho lidstva: k volnosti, dobru, pravdě a spravedlnosti!

President *Jan hrábě Harrach*; vice-president *Václav Vladivoj rytíř Tomek*; jednatel *Bohuslav šlechtic Jiruš*.

Общество Музея Королевства Чешскаго шлетъ къ торжеству столѣтней годовщины рожденія великаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина свой пламенный, полный восторга, привѣтъ. Свѣтлый геній творца «Евгенія Онѣгина» да сіяетъ вѣчно святой Руси на пути къ идеальнымъ общечеловѣческимъ сокровищамъ: свободѣ, добру, правдѣ и справедливости.

Президентъ *графъ Иванъ Гаррахъ*; вице-президентъ *Вацлавъ Владивой Томекъ*; секретарь *Богуславъ Прушъ*.

Софія.

Висше-то училище се присоединява къмъ днешно-то руско и всеславянско торжество и прахта свои-тъ сердечни поздравления.

Ректоръ *Георгиевъ*.

Университетъ присоединяется къ сегодняшнему торжеству и посылаетъ свои сердечныя поздравленія.

Ректоръ *Георговъ*.

Цетинье.

Друштвâ «Цетињска читаоница» и «Горски вијенацъ» данас заједничка свечана скупштина поводом прославе стогодишњице славнаго и великаго пјесника Пушкина, којега геніј благотворно шири се на све славенство, срцем и душою учествује у тој за славенство значајној свечаности. Слава Пушкину, живјела браћа Руси.

Предсједник «Цетињске читаонице» *Ђуро Поповић*. Предсједник «Горског вијенца» војвода *Пламенац*.

Сегодня по случаю празднованія столѣтней годовщины славнаго и великаго поэта Пушкина, благотворное вліяніе котораго распространяется на все славянство, члены обществъ «Цетињска читаоница» и «Горски вијенацъ», соединенныя въ торжественномъ засѣданіи, сердцемъ и душою принимаютъ участіе въ этомъ знаменательномъ для славянства празднествѣ.

Предсѣдатель общества «Цетињска читаоница» *Г. Поповичъ*. Предсѣдатель общества «Горски вијенацъ» воевода *Пламенацъ*.

Митровица.

Одушевлено поздравлямо прославу највећег песника братског нам народа.

Српска читаоница.

Съ восторгомъ привѣтствуемъ торжество столѣтняго юбилея величайшаго поэта братскаго намъ народа.

Сербская читальня.

Цетинье.

Имѣя во главѣ своего государя, его сына, сановниковъ и представителей Россіи, наставники и воспитанники средне-учеб-

ныхъ заведеній столицы Черногоріи достойнымъ образомъ отпраздновали сотую годовщину рожденія гениальнаго Пушкина, въ то же время пребывая въ духѣ со своими братьями русскими и прочими славянами, соединенными въ этотъ высокаторжественный день гениемъ русскаго народа. Слава Пушкину, слава Русь!

Учительскій коллегіумъ.

Берно (Брюннъ).

По всѣмъ странамъ міра чехъ совершаетъ поминки по Пушкину, благоговѣя предъ неувядающей славою великаго сына братскаго народа.

Чешско-славянская купеческая бесѣда, отдѣленіе Брнское.

Берно (Брюннъ).

Bratrské souhvězdí září na nebi slovanském — Puškin a Mickievič. «A dlouho národu má pamět bude milá, že dobrých citů vznět má lyra probudila, že v krutém věku svém jsem volnost uctíval a milost k padlým vyzýval». — Velikému básníku slovanů nehynoucí sláva a věčná pamět.

Damský odbor literární v Brně, v Markrabství Moravském.

Братское созвѣздіе сіяетъ на небѣ славянскомъ — Пушкинъ и Мицкевичъ. «И долгу буду я народу тѣмъ любезенъ, что чувства добрыя я лирой пробуждалъ, что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я свободу и милость къ падшимъ призывалъ». — Негибнущая слава и вѣчная память великому славянскому поэту!

Дамское Литературное Общество въ Брнѣ, въ Моравіи.

Берно (Брюннъ).

«Кто не заботится о своемъ, а именно о домашней жизни, — не вѣруеть»; въ этихъ словахъ великій стихотворецъ род-

ственной намъ святой Руси совершенно прильнулъ къ своему народу и сотворилъ ему вѣчно живущія произведенія. Будь намъ въ примѣръ, великій Пушкинъ, «bud'me svoimi»: такъ ты сказалъ!

Совѣтъ общества Моравянокъ въ Брнѣ, въ Моравіи.

Землинъ.

Слава неумрломъ песнику Пушкину!

Српска пјевачка задруга Земунска.

Слава безсмертному поэту Пушкину!

Сербское пѣвческое общество въ Землинѣ.

Просницъ.

Oslavujeme v duchu s bratrským národem ruským jeho velikého genia Alexandra Puškina.

Za mužský Pěvecký Spolek «Orlice» v Prostějově na Moravě: *Ganzwohl.*

Мысленно чествуемъ съ братскимъ русскимъ народомъ его великаго генія Александра Пушкина.

Отъ имени мужского пѣвческаго общества «Орлицъ» въ Просницѣ на Моравѣ: *Ганцволь.*

Вершецъ (Veršec).

Неумрломе Пушкину кличе: «Слава, Слава, Слава!»

Српско црквено певачко друштво града Вршица.

Безсмертному Пушкину восклицаетъ: «Слава, Слава, Слава!»

Сербское церковное пѣвческое общество города Вершецъ.

Будапештъ.

Слава неумрломъ Пушкину!

Слога, пјевачко друштво.

Слава безсмертному Пушкину!

Пѣвческое общество «Слога».

Велика Кикинда (Nagy Kikinda).

Учествујући у духу у великој прослави, кличемо: «Слава Пушкину!»

Српско певачко друштво «Гусле».

Мысленно участвуя въ великомъ торжествѣ, провозглашаемъ: «Слава Пушкину!»

Сербское пѣвческое общество «Гусли».

Митровица.

Дячној садашњој слави руској придружујемо се, одушевлено кличући: «Слава Пушкину, живела браћа Руси!»

Српска црквена певачка дружина.

Присоединяемся къ сегодняшнему великолѣпному торжеству русскому, провозглашая одушевленно: «Слава Пушкину! да здравствуютъ братья русскіе!»

Сербское церковное пѣвческое общество.

Панчево.

Панчевско српско црквено пјевачко друштво, придружујући се слављењу стогодишњице неумрлог руског песника Александра Пушкина, кличе: «Слава Пушкину, који је одушевљавао цео образован свет».

Панчевское Сербское Церковное Пѣвческое Общество, присоединяясь къ торжеству столѣтняго юбилея рожденія Пушкина, восклицаетъ: «Слава Пушкину, который наполнялъ восторгомъ всѣхъ образованныхъ людей».

Бѣлградъ.

Пророческому гению, неустанному будителю духа народнаго, лучшему представителю славянской культуры, безсмертному

Пушкину восклицаемъ съ берега Дуная и Савы «славу» отъ имени Общества сербскихъ журналистовъ.

Предсѣдатель *К. С. Таушановичъ*; секретарь *М. Мичичъ*.

Турчанскій св. Мартинъ.

K slavnému dňu stých narodzenin najväčšieho poeta celého slavjanstva Alexandra Puškina slovenskí spisovatelia narodnosti a všetci národ svoj i veľiké plemeno slavjanské milujúci Slováci posielajú horúcie privěty ruskému národu. ďakujú Bohu že daroval mu genia poezie a pravdy, umenia a duchovnej vysoty.

Вѣчная память великому преобразователю русской литературы и нашему учителю и вдохновителю. Имя Пушкина сегодня вспоминается съ благодарностью и живымъ восторгомъ подъ высокими Карпатами¹⁾.

Redakcija «Narodné Noviny» v Turčanskom Sv. Martine.

Къ славному дню столѣтней годовщины рожденія величайшаго поэта цѣлаго славянства Александра Пушкина словацкіе журналисты и всѣ любящіе свой народъ и великое славянское племя словаки шлютъ пламенный привѣтъ русскому народу; они благодарятъ Бога, что Онъ даровалъ ему генія поэзіи и правды, искусства и духовной высоты.

Вѣчная память и пр.

Цетинье.

Въ духѣ участвуемъ въ всеславянскомъ торжествѣ по случаю сотои годовщины рожденія гениальнаго Пушкина, вдохновителя Нѣгуша и другихъ сербскихъ и вообще славянскихъ новыхъ поэтовъ. Слава Пушкину, слава русскому народу, давшему его!

Редакторъ «Prosvjete» *Льнава (Ljervava)*.

1) Эти русскія слова въ телеграммѣ переданы латинскими буквами.

ЛВОВЪ.

Собравшись сегодня въ городѣ Данила и Льва для празднованія столѣтней годовщины рожденія великаго Пушкина и воздавъ должную дань безсмертной его памяти, русскіе галичане, сознающіе свое неоспоримое духовное единство съ русскимъ міромъ, шлютъ ему братскій привѣтъ на имя Императорской Академіи Наукъ, какъ двигательницы всей русской культуры.

Адвокаты: Добрянскій, Дудыкевичъ, Павенскій, Черлуцакевичъ, нотаріусъ Савчинскій; священники: Савюкъ, Сеникъ, Крохмальчукъ, Симеонъ Дуткевичъ; редакторы: Мончаловскій, Яворскій, Пелехъ, Луцкъ, Авдыковскій, Романъ Дудыкевичъ; Евгенія Павеникая, Исына Гульта, Гизеля Яворская, Софія Давидовичъ, Осипъ Волинскій; художники: Томашевичъ, Мрозъ; ремесленники: Ильшинъ, Дзѣба, купецъ Дуткевичъ; студенты: Ивануса, Сѣнцицкій, Глушкевичъ, Хилакъ, Дзидицкій, Мокруцкій, Пелехъ, Порождо, Билин-кевичъ, Илясевичъ, Поворожникъ, Сембратовичъ, Полянскій, Гулла, Клеберъ, Сивулякъ, Буликъ, Глб-овицкій, Алексіевичъ, Цырохъ, Крестирнинъ, Захарчукъ.

Преровъ.

Radost vaše — radost naše, že buditel slovanstva a veleduch Puškin ukázal slovanstvu pravou cestu ku své spásě.

Řemeslnická Beseda.

Радость ваша — и наша радость о томъ, что будитель славянства и герой Пушкинъ указалъ славянству вѣрную дорогу къ его спасенію.

Ремесленная Бесѣда.

Преровъ.

Přinášíme hold nesmrtelné památce velikého básníka Puškina. Názdravek bratřím Rusům!

Za společenstvo řezníků v Přerově Jaromír Vítěz.

Приносимъ дань благоговѣнія безсмертной памяти великаго поэта Пушкина. Привѣтъ братьямъ русскимъ!

Отъ имени Общества мясниковъ въ Преровѣ
Яромірз Витезз.

Преровъ.

Присоединяясь къ чествованію памяти величайшаго генія Россіи и славянства, прошу принять искренній привѣтъ отъ береговъ славянской Моравы. Да блеснитъ звѣзда генія Пушкина на весь славянскій міръ!

Йосифз Войтекз.

Преровъ.

Památce největšího básníka Puškina — hřímavá sláva, bratrskému národu — pozdrav.

Dr. Riedl, Jan Vítěz, Frant. Slámeník, Josef Šafařík, Antonín Kratochvíl, Alois Amort, Ferdinand Krátký, Lambert Karas, Jan Lěsnovský.

Памяти величайшаго поэта Пушкина — громкая слава, братскому народу — привѣтъ!

Д-ръ Ридль, Янз Витезз, Францз Сламеникз, Йосифз Шафарикз, Антонинз Кратохвилъ, Алоуиз Амортз, Фердинандз Краткій, Ламбертз Карасз, Янз Лєснооскій.

Преровъ.

My, čechoslované moravští, zdělíme s vámi oslavu nesmrtelného slavného Puškina. Genius jeho žehnej svaté Rusi a všemu slovanstvu.

Hynek Psota, předseda Čtenářského Spolku v Přerově.

Мы, моравскіе чехославяне, участвуемъ съ вами въ торжествѣ безсмертнаго славнаго Пушкина. Да свѣтитъ его геній святой Руси и всему славянству!

Гинекз Псота, председатель Литературнаго Общества въ Преровѣ.

Вейскирхенъ (Hranice).

Zástupcové české národnosti v obecném zastupitelstvu města Hranic vzpomínají dnes genialného syna Rusi Puškina i jeho světového díla spisovatelského.

Представители чешской народности въ общественномъ представительствѣ города Границъ вспоминаютъ сегодня геніальнаго сына Руси Пушкина и его великій писательскій подвигъ.

Вейскирхенъ.

Slavíme s vámi pamět pěvce velikého národa slovanského Puškina!

Občanská Besěda «Jurik» v Hranicach. D-r Sromota.

Славимъ съ вами память пѣвца великаго славянскаго народа Пушкина!

Отъ имени клуба обывателей «Юрикъ» въ Границахъ д-ръ *Срѣмота*.

Просницъ.

Slavíme s vámi neocenitelné zásluby genialného Puškina o svatou Ruš a národy slovanské.

Městská rada Prostějovská.

Славимъ съ Вами неоцѣнимыя заслуги геніальнаго Пушкина для Святой Руси и славянскихъ народовъ.

Городской советъ города Просница.

Просницъ.

Sláva Puškina — sláva veškerého slovanstva. Věčná mu pamět!

Skala, poslanec.

Слава Пушкина — слава всего славянства. Вѣчная ему память!

Skala, deputat.

Преровъ.

Rada města Přerova oslavuje v duchu s vámi velikého pěvce Puškina, jehož památce budiž věčná sláva, bratrskému národu ruskému — pozdrav.

Starosta *František Tropper.*

Совѣтъ города Прерова славить единодушно съ Вами великаго пѣвца Пушкина, и да будетъ вѣчная слава его памяти, и привѣтъ братскому народу русскому.

Старшина *Францискъ Тропперъ.*

Преровъ.

Sláva památce veleducha Puškina!

Za společenstvo smíšených řemesel v Přerově
Lambert Karas.

Слава памяти гениальнаго Пушкина!

За общество смѣшанныхъ ремеслъ въ Преровѣ
Ламбертъ Карасъ.

Коломыя.

Поклоняясь гению первѣйшаго пѣвца русской земли, любезнаго намъ и родного, русское «покутье» присоединяется къ чествованію памяти его и шлетъ низкій поклонъ русской столицѣ.

Докторъ *Дудыкевичъ*, Романъ *Дудыкевичъ*, священникъ *Михаилъ Левицкій*, редакторъ *Билоусъ*, мѣщанинъ *Болеховскій* и крестьянинъ *Демьянъ Андрусякъ*; *Петръ Корчинскій*; докторъ *Юрченко*; докторъ *Драгомирецкій*.

Будапештъ.

Пушкинъ — слава русскихъ, гордость славянъ!

Докторъ *Ненадовичъ.*

Вѣна.

Принимаю умомъ и сердцемъ участіе въ чествованіи столѣт-

ней годовщины великаго поэта, которому посвящено сегодняшнее торжественное собраніе Императорской Академіи Наукъ.

Ординарный академикъ *Ямш.*

Загребъ.

Понизно молим да доставите Пушкиновом одбору и мој усклик:
«Слава бесмртном великану!»

Змај Јовановић.

Убѣдительно прошу передать Пушкинскому Комитету и мой привѣтъ: «Слава безсмертному гению!».

Змај Јовановић.

Фрейбергъ.

Благославляю память великаго Пушкина!

Докторъ *Мука, Лужичанинъ.*

Цетинье.

Во всеславянскомъ прославленіи памяти Пушкина, въ пожеланіяхъ, да торжествуетъ гений русскій, присоединяется духовно къ своимъ товарищамъ-одноклассникамъ, сердечно ихъ привѣтствуя изъ подножія Ловчена.

Благодарный бывшій воспитанникъ Третьей Гимназіи Герцоговинецъ *Дречъ.*

Веймаръ.

Соединенныя Литературныя Общества въ Веймарѣ, состоящія подъ покровительствомъ Герцога Карла-Александра Саксонскаго, шлютъ сердечный, горячій привѣтъ Императорской Академіи Наукъ и ея Августѣйшему Президенту, подъ руководствомъ которыхъ Русскій народъ въ сегодняшній знаменательный день торжественно празднуетъ столѣтнюю годовщину великаго своего поэта Александра Пушкина.

Начиная съ того времени, когда Россія впервые стала восторгаться «Русланомъ и Людмилой», «Полтавой», «Евгеніемъ Онегиннымъ», «Борисомъ Годуновымъ», проникнутыми глубоко-народнымъ духомъ твореніями Пушкина, — многіе значитель-

ные и плодотворные умы оставили слѣдъ свой на скрижаляхъ лѣтописи русской духовной жизни. Прошлое же и настоящее служатъ залогомъ будущаго. Но отъ явленій настоящаго, отъ надеждъ на будущее взоры возвращаются къ образу поэта, которому судьба даровала раннее удовлетвореніе «сладкаго стремленія къ славѣ», но вмѣстѣ съ тѣмъ уготовала преждевременную кончину.

Творенія всякаго истиннаго поэта своими корнями глубоко проникаютъ въ почву его родины, вѣтвями своими густо обвиваютъ мощный стволъ его народа, цвѣтами своими надѣляютъ весь культурный міръ. Такъ произрастаютъ и творенія Пушкина изъ почвы возлюбленной имъ Россіи, но становятся общимъ достояніемъ, достигаютъ безсмертія благодаря тѣсному родству его генія съ прорывающею всякія національныя преграды идеею человѣчества. Поэтому исполнились тѣ слова, которыя у его гроба сказалъ учитель и другъ Жуковский: «Пушкинъ не одной Россіи принадлежитъ; онъ принадлежитъ всей Европѣ».

Справедливость этихъ словъ подтверждается участіемъ, которое принимаютъ образованные люди всѣхъ національностей въ празднованіи 100-лѣтней годовщины Пушкина.

Нѣмецкое Гётевское Общество: д-ръ *Руландъ*.
Нѣмецкій фондъ имени Шиллера: баронъ *Глейхенъ-Руссвурмъ*. Нѣмецкое Шекспировское Общество.

Парижъ.

Monsieur le Président! Le Comité de l'Association Littéraire et Artistique Internationale est heureux de saisir cette occasion solennelle du centenaire de l'illustre Pouchkine pour envoyer à ses confrères slaves l'expression de ses sentiments de sincère et profonde fraternité.

L'Association est fière de rappeler que parmi ses fondateurs figurait le grand Tourguéneff et d'affirmer une fois de plus les liens de solidarité qui font des écrivains et des artistes de tous les pays une grande famille internationale.

Veillez agréer, Monsieur le Président, l'assurance de notre haute considération.

Le Président *Eug. Pouillet*. Le secrétaire perpétuel *Jules Lermine*. Le secrétaire pour la Russie *Halperine-Kaminsky*.

Господинъ Президентъ! Комитетъ Международнаго союза писателей и артистовъ счастливъ воспользоваться случаемъ торжественной столѣтней годовщины славнаго Пушкина, чтобы послать славянскимъ собратьямъ выраженіе чувствъ своего искренняго и глубокаго братства.

Союзъ гордится возможностью напомнить при этомъ, что среди его основателей былъ великій Тургеневъ и еще разъ закрѣпить тѣ узы единенія, которыя дѣлають изъ писателей и артистовъ всѣхъ странъ одну большую международную семью.

Примите, господинъ Президентъ, увѣреніе нашего высокаго уваженія.

Президентъ *Евг. Пуле*. Непремѣнный секретарь *Жюль Лермина*. Секретарь для Россіи *Галперинг-Каминскій*.

Парижъ.

La Société des Études russes à Paris, exprimant son admiration à Pouschkine, présente ses chaleureuses félicitations.

Président d'honneur *Léon Bourgeois*. Président *Maurice Fourneux*. Hôtel des Sociétés savantes.

Парижское Общество изученія Россіи, выражая свой восторгъ передъ Пушкинымъ, шлетъ свои горячія поздравленія.

Почетный предсѣдатель *Леонъ Буржуа*. Предсѣдатель *Морисъ Фурнѣ*. Домъ Ученыхъ Обществъ.

Кромѣ приведенныхъ выше, 24-го мая Августѣйшій Президентъ Академіи получилъ 46 телеграммъ отъ редактора-издателя газеты «Крај» въ С.-Петербургѣ при слѣдующемъ письмѣ:

Выше Императорское Высочество!

Въ столѣтнюю годовщину рожденія великаго русскаго поэта, чествуемую во всѣхъ славянскихъ земляхъ, беру на себя смѣлость представить Вашему Императорскому Высочеству, какъ Августѣйшему Предсѣдателю Коммисіи Академіи Наукъ, сочувственныя отклики и телеграммы, присланныя къ скромному празднованію памяти гениальнаго поэта, устроеному, 22-го и 23-го сего мѣсяца, редакціею газеты «Крај», изъ всѣхъ польскихъ земель, отъ разныхъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей и учреждений, проникнутыя общимъ чувствомъ благоговѣнія и признательности къ памяти того, кто «чувства добрыя въ людяхъ пробуждалъ».

Имѣю счастье быть Вашего Императорскаго Высочества вѣнопочтѣннѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою *Эразмъ Пиллигъ*.

Телеграммы эти прислали слѣдующія учрежденія и лица: Львовскій Университетъ; Литературное Общество имени Мицкевича во Львовѣ; Комитетъ Пушкинскаго празднества въ Краковѣ; Францъ Горскій (предсѣдатель Сѣдлецкаго Земледѣльческаго Общества); Станиславъ Скаржинскій (членъ Комитета Земскаго Кредитнаго Общества въ Царствѣ Польскомъ); проф. Бродовскій, предсѣдатель Варшавскаго Благотворительнаго Общества и проф. Барановскій, бывшій предсѣдатель Варшавскаго Медицинскаго Общества; Либерагъ Заіончковскій, предсѣдатель Общества польскихъ журналистовъ; Редакція журнала «Przegląd Powszechny», Редакція газеты «Czas»; Редакція газеты «Kurjer Polski»; Редакція газеты «Dziennik Poznański»; Редакція «Gazety Kaliskiej»; Редакція газеты «Słowo»; Редакція «Gazety Olsztynskiej» (въ Пруссіи); Редакція газеты «Przegląd». — Генрихъ Семирадскій; Людвикъ Страшевичъ, редакторъ газеты

«Kurjer Polski»; Владиславъ Мицкевичъ (сынъ Адама Мицкевича); Іосифъ Косцельскій (членъ Прусской Палаты господъ); Елиза Орженкова; Платонъ Костецкій (литераторъ и поэтъ); Казиміръ Скржинскій (вице-предсѣдатель Общества польскихъ журналистовъ); Корнелій Гекъ, Францишекъ Крчекъ, Өаддей Пини, Алонзій Винярь и Мечиславъ Вармскій (публицисты и литераторы); Станиславъ Гутовскій; Иванъ и Эдуардъ Решке; Вильгельмъ Брухнальскій, Өаддей Чапельскій, Брониславъ Чарникъ, Брониславъ Губрыновичъ, Александръ Гиршбергъ и Эдуардъ Павловичъ (ученые и публицисты); Скирмунтъ, Дучинскій, Уйейскій и Павликовскій (писатели); Абгаръ Солтанъ (писатель); Іосифъ Ростафинскій (профессоръ Краковского Университета); Яроховскій (профессоръ Бреславльскаго Университета); Бодуэнъ де Куртенэ, Потканскій, Розвадовскій и Лютославскій; Бопре, Дембицкій, Хылинскій и Томковичъ (писатели); Іосифъ Третьакъ и Наполеонъ Цыбульскій (профессоръ Краковского Университета); Карлъ Эстрейхеръ (Директоръ Ягеллоновской Библиотеки) и Станиславъ Эстрейхеръ (профессоръ Краковского Университета); Людоміръ Грендъшпиньскій; Викторъ Гомулицкій (поэтъ); Иванъ Блюхъ; графъ Георгій Мыцельскій (профессоръ Краковского Университета); Носковскій (композиторъ); графъ Іосифъ Дунинъ-Карвицкій; Любоміръ Гадонъ (бывшій секретарь кн. Чарторыйскаго); Иванъ Розенъ (художникъ); графы Владиславъ и Іосифъ Велепольскіе; баронъ Кроненбергъ; графъ Адамъ Красинскій и Стефанъ Цегельскій (членъ Германскаго Парламента).

Пушкинская юбилейная выставка въ Императорской Академіи Наукъ.

16—31 мая 1899 г.

Къ подготовительнымъ работамъ по устройству Пушкинской юбилейной выставки въ Большомъ конференцъ-залѣ Академіи Наукъ было приступлено ровно за два мѣсяца до ея открытія, то-есть, 15-го марта. Въ помощь себѣ при сложныхъ хлопотахъ по розыскиванію и собиранію нужныхъ предметовъ, группировкѣ и размѣщенію ихъ на самой выставкѣ, а также составленію и изданію необходимаго каталога-путеводителя, академикъ Л. Н. Майковъ, которому было предоставлено главное руководство по устройству выставки, пригласилъ младшаго писмоводителя Канцеляріи Конференціи Академіи Б. Л. Модзалевскаго. Предварительно академикомъ Майковымъ была въ главнѣйшихъ чертахъ намѣчена та программа, которой слѣдовало держаться при собираніи предметовъ, долженствовавшихъ составить выставку. Программой этою на первомъ мѣстѣ были поставлены автографы самого Пушкина, какъ наглядные и поучительные образцы его творческой работы; при этомъ для выставленія были отобраны наиболѣе интересныя, характерныя изъ рукописей поэта, предоставленныхъ ихъ владѣльцами въ распоряженіе выставки; сюда же вошли, за неимѣніемъ подлинниковъ, фотографическіе снимки съ нѣкоторыхъ автографовъ, оригиналы которыхъ хранятся внѣ Петербурга, а также автографы родителей поэта — С. Д. и Н. О. Пушкиныхъ, его сестры — О. С. Павлицевой и брата — Л. С. Пушкина. Второй отдѣлъ составленъ былъ изъ

журналовъ 1814—1837 годовъ, преимущественно тѣхъ, въ которыхъ были напечатаны при жизни Пушкина его произведенія. Въ третій отдѣлъ вошли изданія сочиненій Пушкина какъ прижизненныя, такъ и напечатанныя послѣ его смерти, но только до 1887 года, то-есть, до окончанія срока литературной собственности. Альманахи, альбомы и сборники составили четвертую группу; въ нее включены были, главнымъ образомъ, тѣ изданія, въ которыхъ помѣщались произведенія Пушкина, а также художественныя изданія его сочиненій. Сюда же былъ отнесенъ 21 листъ превосходныхъ оригинальныхъ карандашныхъ рисунковъ акад. П. П. Соколова, полученныхъ, при благосклонномъ посредствѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, пожелавшей передать ихъ на выставку изъ библіотеки Императора Александра III въ Царскосельскомъ Александровскомъ Дворцѣ.

Въ пятый, самый обширный, отдѣлъ выставки вошли портреты, а также виды мѣстностей, такъ или иначе имѣющихъ отношеніе къ жизни и дѣятельности Пушкина. Первое мѣсто въ этомъ отдѣлѣ было отведено портретамъ самого поэта-юбиляра, которые были собраны съ возможною полнотой, но съ выборомъ только наиболѣе лучшихъ по исполненію. Затѣмъ были выставлены портреты родныхъ поэта, его товарищей, друзей и знакомыхъ, начальниковъ, покровителей и враговъ, наконецъ — его литературныхъ предшественниковъ и современниковъ безъ различія литературныхъ направленій и партій. Собраніе портретовъ на выставкѣ отличалось особенною полнотой и изобиловало рѣдкими и любопытными экземплярами, такъ какъ удалось показать публикѣ много такихъ портретовъ, которые до того времени хранились въ частныхъ или семейныхъ собраніяхъ и никогда не были издаваемы. Это послѣднее обстоятельство было особенно оцѣнено любителями и знатоками, посѣщавшими выставку.

Наконецъ, шестой отдѣлъ составилъ изъ вещей, принадлежавшихъ лично поэту; вещи эти были любезно предоставлены

на выставку ближайшими родственниками поэта и другими лицами, владѣющими Пушкинскими реликвіями.

Открытіе выставки состоялось 16-го мая въ 10 часовъ утра; въ первый же день, вслѣдствіе заблаговременно сдѣланныхъ объявленій въ газетахъ, ее посѣтило значительное количество публики изъ самыхъ разнородныхъ слоевъ общества. Ко дню открытія былъ напечатанъ и каталогъ выставки, въ который вошелъ перечень 753 предметовъ¹⁾.

По программѣ, выработанной Пушкинскою Коммиссіей, выставку предполагалось оставить открытою въ теченіе 10 дней, то-есть, до юбилейнаго дня 26-го мая, но, по неоднократнымъ заявленіямъ публики, признано было возможнымъ отложить ея закрытіе до 31-го мая, и только 26-го числа, вслѣдствіе торжественнаго засѣданія Академіи, выставка не была доступна для обозрѣнія. Въ теченіе этихъ двухъ недѣль выставку посѣтило, съ платою за входъ, 4733 лица, не считая большого количества учащихся, которые допускались безплатно. Всѣ необходимыя справки и объясненія посѣтителемъ давались или лично академикомъ Майковымъ, или замѣнявшимъ его г. Модзалевскимъ.

Входная плата, въ размѣръ 10 коп., взимаемыхъ съ посѣтителей, согласно распоряженію Августѣйшаго Предсѣдателя Пушкинской Коммиссіи, поступила въ фондъ на сооруженіе памятника Пушкину. Общая сумма дохода, полученнаго съ выставки, равняется 976 руб. 70 коп.

Уже по закрытіи выставки вышелъ въ свѣтъ альбомъ ея, въ который включено 250 исполненныхъ фототипіей снимковъ съ портретовъ, рисунковъ, гравюръ и рукописей, бывшихъ на выставкѣ. Альбомъ этотъ былъ изданъ художественною фототипіей К. А. Фишера въ Москвѣ подъ ближайшимъ наблюденіемъ Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевскаго. Главною цѣлью этого изданія было сохранить, хотя въ главныхъ чер-

1) Вслѣдствіи, уже по открытіи выставки, число предметовъ увеличилось до 771.

тахъ, тотъ матеріалъ, который былъ собранъ на выставку. Къ сожалѣнію, въ альбомъ не удалось включить весь богатый и интересный запасъ предметовъ, бывшихъ на выставкѣ, такъ какъ они продолжали поступать и послѣ ея открытія, когда подготовительныя фотографическія работы были уже закончены.

Въ виду наступленія каникулярнаго времени Академія не имѣла возможности принести свою благодарность всѣмъ, выказавшимъ сочувствіе къ выставкѣ присылкою на нее предметовъ, а потому, въ заключеніе настоящаго очерка Пушкинскихъ празднествъ, Академія считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ съ признательностью перечислить имена тѣхъ лицъ и учреждений, содѣйствію которыхъ въ значительной степени она обязана успѣхомъ, достигнутымъ выставкой:

Его Императорское Величество Государь Императоръ; Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Оеодоровна; Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ; Его Императорское Высочество Августѣйшій Президентъ Академіи Наукъ Великій Князь Константинъ Константиновичъ; Галерея Императорскаго Зимняго Дворца; Императорскій Эрмитажъ; Императорская Публичная Библіотека; Императорская Академія Художествъ; Императорскій Александровскій Лицей; Кавалергардскій Ея Величества полкъ; князь С. С. Абамелекъ-Лазаревъ; А. П. Арапова, рожд. Ланская; С. М. Аснашъ; Н. П. и А. П. Барсуковы; С. Н. Батюшкова, рожд. Кривцова; М. В. Беэръ, рожд. Елагина; В. А. Бильбасовъ; П. Л. Ваксель; П. А. Висковатовъ; О. А. Витбергъ; А. О. Войде, рожд. Андро; князь А. М. Волконскій; князь М. С. Волконскій; князь С. М. Волконскій; Н. Н. Всеволожская; И. А. Всеволожскій; княгиня М. В. Гагарина, рожд. графиня Сологубъ; князь А. Е. Гагаринъ; М. А. Гартунгъ, рожд. Пушкина; П. Н. Ге; С. О. Глинка; графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ; князь Б. Б. Голицынъ; С. С. Гончаровъ; К. Я. Гротъ; П. Я. Дашковъ; Н. К. Дунинъ-Борковская; С. П. Елисѣевъ; П. В. Жуковский; А. А. Журавлевъ; П. П. Зубова; М. Д. Игнатъева;

А. А. Кирѣевъ; Н. И. Кирьяновъ; А. И. Козлова; А. О. Кони;
И. А. Кубасовъ; Е. Д. Куломзина; С. Ф. Либровичъ; А. А.
Майкова; В. В. Майковъ; Л. Н. Майковъ; А. І. Малейнъ; А. И.
Маркевичъ; А. Н. Маркевичъ; В. В. Матэ; Б. Л. Модзалев-
скій; А. Э. Мюнстеръ; А. Д. Мясоѣдовъ; К. Ф. Неслуховскій;
баронъ О. Р. Остенъ-Сакенъ; Л. Н. Павлицевъ; А. Е. Паль-
чиковъ; Н. Н. Пана, рожд. Павлицева; Л. О. Пантелѣевъ;
С. А. Панчулидзева; А. В. Плетнева; П. Н. Полевой; князь
П. А. Путятинъ; Г. А. Пушкинъ; А. Н. Пыпинъ; М. Г. Раев-
ская; Н. М. Раевскій; Е. В. Сабурова, рожд. графиня Соло-
губъ; В. И. Саитовъ; О. А. Свинына; А. Н. Сигуновъ; графъ
Н. В. Сологубъ; наслѣдники И. И. Срезневскаго; И. М. Ста-
рицкій; Г. И. Студенкинъ; Т. Б. Сѣмечкина; С. А. и Ю. А.
Тепляковы; М. С. Толстая; графъ Д. И. Толстой; графъ И. И.
Толстой; А. Н. Трескина; О. А. Трескина; С. В. Уварова,
рожд. княгиня Яшвилъ; А. А. Флоридовъ; В. К. Фроловъ; кня-
гиня А. А. Хованская; А. А. Шахматовъ; графъ С. Д. Шере-
метевъ; И. А. Шляпкинъ; Г. О. Штендманъ; С. Н. Шубин-
скій; Н. П. Эйхе-Янсонъ; В. Е. Якушкинъ и Н. П. Яхонтовъ.

